БОРЬБА МИРОВ

ЖУРНАЛ ★ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

50

№1·1924

Заговор Мурлан-Палмир

О. ГЕНРИ. АКУЛА ДОДСОН.

БОРЬБА МИРОВ

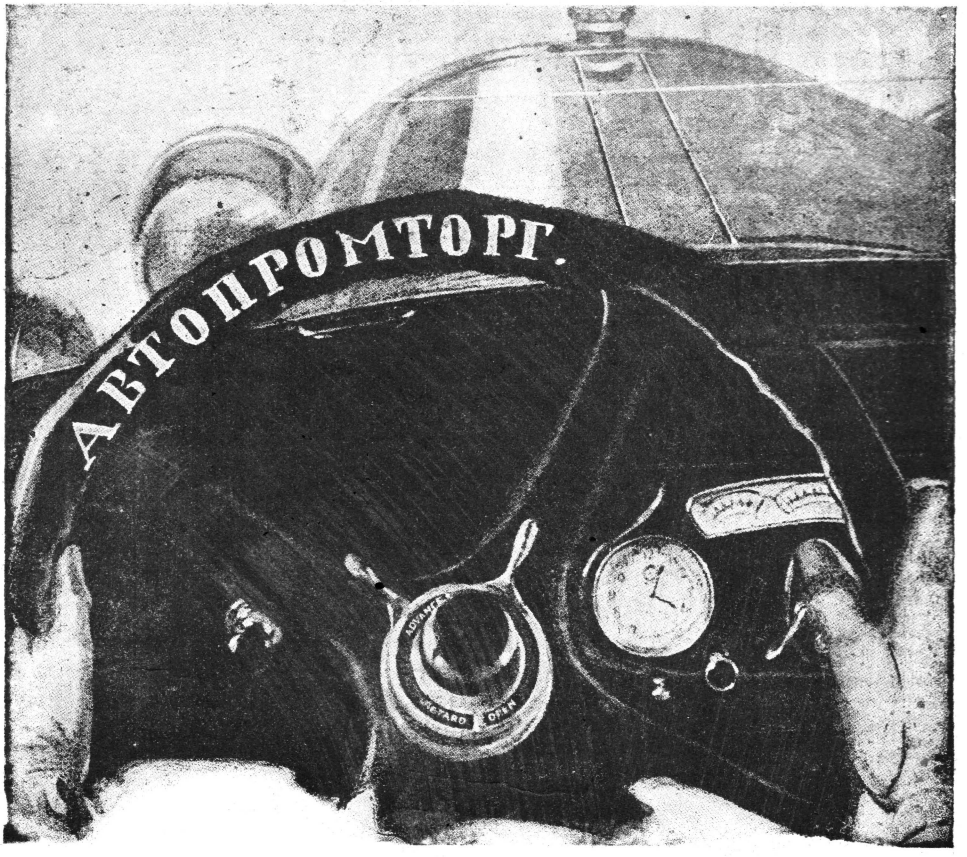
ЖУРНАЛ ★ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

50

№1·1924

Заговор Мурман-Памир

О. ГЕНРИ. АКУЛА ДОДСОН.



АВТОПРОМТОРГ

АВТОМОБИЛИ МОТОЦИКЛЫ

ТРАКТОРЫ ВЕЛОСИПЕДЫ

И ВСЕ ДЛЯ НИХ.

Москва, Петровка 4.
Телефоны: 3-70-14,
1-19-57.

Московское Отделение: Каретный ряд, 28.

Отделения: в Ленинграде, Харькове, Ростове н/Д, Тифлисе и др. городах СССР.

БОРЬБА МИРОВ
ЖУРНАЛ ★ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ.

№ 1. ФЕВРАЛЬ 1, 1924.

Стр.

ЗАГОВОР МУРМАН—ПАМИР. Роман. Б. ПЕРЕЛЕШИН. 2
Иллюстрации Гарри Клинч.

КУ-КЛУС КЛАН . . . . . ФОТО-ЭКРАН . 16

РОТА КАПИТАНА СВЯТЦЕВА . . . А. ИРКУТОВ . 17
Иллюстрации М. Храпковский.

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА . . . . . КИНО-ЭКРАН. . 23

МИСКА БУЛЬОНА . . . . . Ч. СЕКСБИ . . 24
Иллюстрации М. Претер.

1300 ВЕРСТ НА ЛЫЖАХ . . . . . ЭКРАН-СПОРТА 31
Шарж М. Ягужинский.

РАССТРЕЛ СТРЕЛЬБИЦКОГО . . . М. ПРОТУСЕВИЧ 32

АКУЛА ДОДСОН . . . . . О. ГЕНРИ . . . 35
Иллюстрации М. Претер.

САМОЛЕТ ДЛЯ ВСЕХ . . . . . ЭКРАН СМЕХА. 39
Рисунок Гарри Клинч.

Прием у редактора ежедневно от 2 до 4. Телефон: 1-81-71.

Москва, Старая площадь, 10/4 Издательство „Молодая Гвардия“ Редакция журнала „БОРЬБА МИРОВ“.

Прием подписки 1. Центральный склад Литиздата ЦК. ж. д. Ильинка, Козьмодемьянский пер., 5; 2. Издательство „Молодая Гвардия“ в Москве и во всех отделениях.

Цена 1 номера—50 коп. зол. 24 номера в год. Подписная плата на год—12 р. на 1/2 года—6 руб., на 3 мес.—3 руб. Комсомольским организациям при коллективной подписке скидка 30%.

Плата за об'явления: 4 страница обложки в красках—80 червонцев, в тексте: 1 страница—30 червонцев. 1/2 страницы—16 черв., 1/4 стр.—8 чер. 1/8 стр.—5 черв. Прием об'явлений: рекламное бюро газеты „ГУДОК“, тел. 67-98, торгсектор из-ва „Молодая Гвардия“ тел. 1-81-01. Высылаются агенты.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Борьба миров никогда не достигала такого напряжения, как в нашу эпоху. Пролетариат против капитала. Черные, желтые и оливковые рабы против белых империалистов.

Разверните газету: „Вооруженная демонстрация в Берлине... Шотландские углекопы пред'являют ультиматум... Забастовка в Чикаго... Восстание в Индии... Кровавая резня в Буэнос-Айресе... Схватка с англичанами в Афганистане... Коммунисты в Либерии...“ и т. д. и т. п.

Заголовки меняются ежедневно и читатель снова и снова носится по всему миру, напряженно наблюдая борьбу двух социальных миров.

Этой борьбе служит наука. В двадцатом веке не неуклюжие пушки, а легкокрылые аэро решают бои. Не чугунные ядра, а удушливые газы, не тяжелые и глупые бердапки, а ручные пулеметы, стреляющие разрывными пулями.

Наша эпоха полна динамики, наша борьба всемирна, наши чувства обострены. Старосветские помещики, если бы их воскресили, сошли бы с ума на пятой минуте жизни. А мы, мы зеваем над старой литературой, которой они упивались.

Современному читателю нужна книга, которая соединяла бы динамичность кино с современной социальной фабулой. Красные дьяволята против Гарри Пилля. А мы имеем Тарзана, Атлантиду и выцветшие, затертые тетради дурно пахнущего „Мира приключений“.

Нужен новый писатель. Нужен новый журнал, который создаст этого писателя. Довольно Тарзанов. Пусть на вес бумаги продадут букинисты с Сухаревки пинкертоновскую заваль. Наш читатель, сам прошедший сквозь огонь гражданской войны, здесь получит картину сегодняшней жизни —романтику гигантской борьбы двух миров, бешено-упорные схватки, сложные авантюры и потрясающие приключения, которые стали реальностью сегодняшнего дня.

Не тзорить пережеванную уже вздорную кино-легенду, а дать правдивые образы нашей борьбы, которые превзошли все фантастические сказки кино-авторов. Не занять и пощекотать нервы, а взбудоражить и взволновать и этим подготовить к новым неслыханным боям и к грядущей победе. Вот задача „Борьбы Миров“.

Редакция.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Заговор Мурман-Памир (продолжение), Мечта Дебса — Д. Лондон; Расстрел Стрельбицкого (2-й эпизод) — М Протусевич; Первый рассказ — т. Джонс; Мой первый полет — Г. Уэллс; Палка о двух концах — Е. Бывалов и др.

ЗАГОВОР МУРМАН-ПАМИР

Борис Перелешин.

Иллюстрации Гарри Клинч.

Заговор Мурман-Памир — большой приключенский роман из эпохи 1918—19 г.г.

ПО ДВУМ НАПРАВЛЕНИЯМ.

В МАРТЕ тысяча девятьсот восемнадцатого белогвардейские организации Советской России росли, как грибы. Многие осмеливались работать, почти не скрываясь. На улицах провинциальных городов личности без погон, но в офицерских кокардах, шлялись, открыто ругая Советскую власть. За столиками кафе перебрасывались без стеснения замечания в роде:

— Выступаем в воскресенье?

— Опять отменят!

— А у нас завтра подпольный смотр.

Официанты льстиво извивались перед офицерами. Случайно забредший в кафе советский деятель чувствовал себя неловко среди злых взглядов.

Конечно, три четверти белогвардейских планов известны были Чрезвычайным Комиссиям. Но решительных мер не принималось.

Приближалось время, когда по картинному выражению тов. Маканциана в „Красной книге ВеЧеКа" Чрезвычайным Комиссиям „пришлось рубить с плеча", очищая города и деревни от врагов Советской власти.

Но это время только приближалось.

— А пока — привлекали за несдачу оружия, — приговаривали к общественному порицанию.

Все грозное еще висело в воздухе.

Каледин был разгромлен, Дутов взят в плен. А на рынках и площадях мудрецы в истасканных солдатских шинелях, раскуривая цигарку, говорили:

— Грызутся только. Погоди, начнется.

Гадали, кто нанесет первый удар и где.

На Украине и в Прибалтике с громом шли немцы. Но внутри Советской России установилась недолгая жуткая тишина.

Назревала действительно страшная месть.

Белогвардейцы становились все развязнее и развязнее.

Только отдельные мелкие организации прибегали к тщательной конспирации.

Среди таких многие оказывались скороспелыми и лопались, как мыльный пузырь. Подчас они задавались необычайно широкими. совершенно нелепыми, планами.

Одна из них носила особенно странный характер. Даже и после полного раскрытия и ликвидации ее, история ее возникновения осталась неизвестной. Инициатор ее, белогвардейский поручик барон Г. и ближайший его соратник Н., погибли еще раньше ликвидации заговора

Во всяком случае от организации при самом ее возникновении, по выражению следователя, „пахло диллетантизмом".

Почти первым же шагом ее был крупный провал.

Два студента, очень молодые, очень неподготовленные, неврастеники, в Твери должны были доставить мешок подмоченного охотничьего пороха на вокзал.

И сейчас же засыпались.

На извозчике оба волновались; не сдерживаясь, болтали всякую чушь.

Извозчик вместо вокзала подвез их прямо к Управлению милиции. Одному из студентов удалось вырваться и удрать. Другой, задержанный с мешком, разрыдался и наговорил дежурному целую кучу ерунды. О таинственном яде—взрывчатом веществе, о таинственных иностранных деньгах, о готовящемся в июне м-це взрыве Кремля, выдал явочные адреса организации в Мурманске и Ташкенте.

Посаженный в подвал сидел весь день, как убитый.

А вечером, воспользовавшись незакрытой по оплошности дверью—улизнул.

Найти его не удалось. В руках милиции остался упомянутый мешок пороха и отобранный клочок бумаги. Клочок бумаги был надорван сверху и снизу, на нем стояло:

«... и строжайшая конспирация.

Общество имеет только два отделения: в Мурманске и Пост-Памирском.

В Мурманске для связи с английскими доверенными, в Пост-Памирском для снабжения ядом «два икс» от химика Берендеева

Кроме того две транспортных секции Москва – Мурман и Москва—Памир с подотделом в Ташкенте. Центр в Москве. Общество принимает наименование Мурман—Памир.

Идейная цель через свержение большевизма, об'единение отпавших областей Империи под властью Российского Двухглавого».

В Милиции только покрутили головой.

— Ну и чушь!

— Впрочем дело Московское.

И отослали в Москву.

Во Всероссийской Чрезвычайной листок с приложением коротенькой справки милиции носили из кабинета в кабинет. Попал он сперва в руки товарищей Б., М. и Н. Все трое возмущались. Еще больше возмущался товарищ Р.

— Ерунда. Чортова дребедень. Разыграть хотят Чрезвычайную Комиссию Были мы здесь с некоторыми участками не в ладах, и если бы оттуда, так и решил бы: в милиции для шутки и подстроили. Это все равно, как стихи, у которых из первых букв выходит: долой Советскую власть. Уберите этот листок и не показывайте его мне больше.

В кабинете товарищей П. и Л. коротко сказали:

— Писали сумасшедшие...

И опять отослали в первый кабинет. Теперь листок попал к товарищу Т. Товарищу Т. листок понравился.

— А все-таки...

Вечером он сидел за столом. вчитывался, ерошил волосы, раздумывал. На утро у него сидели Николай Петрович Бурундуков, сибиряк рабочий, 35 лет, старый подпольщик, и Моисей Осипович Файн, 28 лет, из эмигрантов.

Т. говорил:

— Решено ехать Николаю Петровичу в Пост-Памирский, а Моисею Осиповичу, он английским владеет, на Мурман.

Оба всполошились.

— Да куда он их гонит? В чортову прорву! Да ради чего? Из-за двух идиотов. Когда здесь-то, в центре, кишит белогвардейщиной, завтра же, может, придется отстаивать Красный Кремль, каждый боец на учете.—Памирами заниматься?

Т. заговорил:

— Я больше на том базируюсь, что на местах работники необходимы. Мы и так инструкторов посылаем. Подумай, на Мурман, английский десант, сложнейшая обстановка, ты найдешь, какую неотложную работу для нас выполнить. А ты, Николай Петрович, если окажется не заговор, а пустое место, дальше Ташкента не поезжай. Там поможешь наводить порядок...

— И нечего смущаться неизвестной обстановкой, отсутствием сил. Конечно, белогвардейцы строят широкие планы: об'единить области, отторгнутые от Российской империи. Вот видите! Да, белогвардейская Россия, как бы зубаста ни была,– узкая. Кто она? Десятки в городах. А революция широка. Это не слова. Мы и среди остяков или ораченов находили себе помощников. Если этот заговор существует, понимаете, мы его охватим с тыла и флангов.....

Взгляды всех троих расплылись по необ'ятной карте России, висевшей на стене.

— Через два месяца считаю, оба вернетесь.

Наступило молчание. Прервал его Бурундуков:

— Значит придется мне ехать!

Т. посмотрел на Файна.

— А ты?

Файн улыбнулся:

— Не хочется, конечно, но раз надо...

Т. встал:

— Не пустит вас только Коллегия. Я-то буду настаивать.

Вышел. В голове Бурундукова мчались мысли.

— Чорт-те что... Как бросает. Но куда я поеду. И не то будет. Придет время, к неграм куда нибудь понесет, в Африку, а потом сразу к эскимосам.

Мысль Файна, немножко поэта, не спавшего две ночи, выбивала какую-то дробь:

— Трижды, четырежды опояшу земной шар стальным поясом, бросил пламя на севере и на юге... Что за чорт?

Разросталась какая-то минутная боязнь и радость огромных расстояний. Вдруг увидел перед собой раскрытые глаза Бурундукова. Они жили тем же. На одну только секунду. Потом Бурундуков спросил:

— Да сколько верст-то до Памира будет?

— Не знаю, тысяч десять.

— Больно много.

Стали считать по карте. Ничего не выходило. Вдруг на столе нашелся старый календарь. Прочли. До Ташкента: три тысячи. Дальше ерунда. Сотни. До Мурмана того меньше. Ну не так-то и много.

Вошел Т.

— Едете!

В тот же день вечером Файн улегся на полку штабного вагона. Полка дрогнула. На секунду перед глазами развернулась та же невообразимость пространства, лицо Бурундукова, уносящегося в какую-то бесконечность. Огромная, на весь мир раскинувшаяся. карта. В тот же день Р., садясь в автомобиль, ругался:

— Фантазерство это в сущности. Для связи с англичанами—отделение на Мурмане! Когда англичан в Москве пруд пруди. Против самой посылки обоих работников возражать, конечно, не приходится.

Т. с головой ушел в навалившиеся дела. От уехавших никаких донесений не поступало. Бумажку подшили к делу. В ближайшее время в Чрезвычайной, если встречались двое и если им хотелось шутить, один, подмигивая, говорил:

— Значит, говоришь, Мурр-ман... Дай папиросу.

Другой отвечал:

— Памир.

Оба хохотали.

БРЕДОВАЯ РОССИЯ ПЛЮС ТОВАРИЩ ТОЧНЫЙ.

ПО ВЕЧЕРАМ на улицах еще постреливали. Днем проходили процессии с красными знаменами, звучали слова о национализации крупных предприятий, о незыблемости хлебной монополии, о порядке выполнения Брестского мира.

Но в маленьком особняке по одному из мертвых переулков, зажатых между Пречистенкой и Арбатом, этих слов не слышали. Окна особняка смотрели тускло. Внутри особняк был уже зажат мертвой хваткой истории. В распоряжении вдовы тайного советника и ее сына, лицеиста, владевших особняком, остались теперь только две комнаты.

Сквозь тусклые стекла совершенно не видно было огромную разутую Россию, готовившуюся преломить последний кусок хлеба, в твердой решимости не отдать с бою завоеванные земли и фабрики. Ничего этого в особняке не знали. За то пересыпали ежеминутно:

— Немцы.

— Англичане.

— Японцы.

— Американцы.

Даже.

— Турки:

Расстояниями совершенно не считались.

— Японцы подошли к Уралу!

— Англичане идут из Туркестана!

Все это преломлялось к тому же в ссылках на каких-то прозорливых старушек и какого-то всеми на Арбате чтимого Матвеича, на точные предсказания о дне и часе восстановления русской монархии.

Вторым — и главным — следствием широчайших планов являлось: тоскливое—ничего неделание на продаваемые кольца, брошки, серебро, золото и морфий и кокаин.

Сырое, но еще по-зимнему снежное, мартовское утро. Лицеист, чистенький, но уже без прежнего шика, растянулся в кресле. Рядом раскинулась огромная—от Мурмана до Памира—карта того, что вчера называлось Российской империей, сегодня же являлось беспорядочным стадом рождающихся коммун и Республик.

В карте торчали флажки все больше красные. Еще на этой неделе Оренбург и Ростов украшены были национальными флагами, но давно уже этим флагам там нечего было делать.

Теперь, казалось, оставалось одно: передвинуть национальные флажки куда-то совсем к Каспийскому морю, или еще, пожалуй, за Китайскую границу (где им торчать собственно вовсе не полагалось), просвистать „кокаинетку“ и замолкнуть...

Вместо этого лицеист побарабанил пальцами по столу и сказал:

— Надо ускорить выступление.

Длинный в дымчатом пенснэ неслышно ответил:

— Когда оперировать приходится такими расстояниями, какими оперируем мы, главным действующим лицом является время.

— Совершенно верно, но события могут нас опередить.

В дымчатом пенснэ смотрел вопросительно:

— Вы думаете? Советская власть?...

— Ну?

— Укрепляется?

— Ерунда.

— Красная армия...

— Ерунда.

Длинный умолк.

— Не в том дело. Нас могут опередить другие группы. Моментом наивысшего ослабления Советской власти и следовательно наиболее возможным моментом ее свержения явится конец мая...

— Что, кстати, вполне соответствует мнению замечательной рукописной брошюры, вышедшей из Троицкой Лавры...

— Ах, на этом, я думаю, все же мы не будем базироваться...

— Нет, почему же в манифесте...

— Позвольте, до манифеста еще далеко. Не перебивайте! Короче говоря, возможны разнородные выступления. Принимая же во внимание наличность группировок...

— Немецкая ориентация?

— Вот именно. Она, несомненно, усиливается. Кадетство к ней определенно склоняется. Но и среди придворных кругов, вы знаете, эта точка зрения имела сторонников.

— Совершенно верно, передается из рук в руки письмо государя императора к Вильгельму.

— Оно явно подложно...

— Не скажите, Балашев видал подлинник...

— Во всяком случае здесь много возможностей. Мы же на это пойти не можем. Я полагаю, что надо спешить.

— Но...

— Последнее донесение Берендеева вы знаете. Опыт, наконец, удался.

— Не вполне.

— Но достаточно для нашей цели. И вот вчера и сегодня я склоняюсь к тому, чтобы Шефтеля и Берендеева вызвать немедленно сюда. Выступление необходимо организовать в начале мая. Для этого им надо быть здесь в апреле.

— Знаете, идея эта мне нравится.

— Тогда сейчас же посылаем телеграмму.

— Но барон?

— Барон?

— Я полагаю...

— Наша организация кажется не республика, к тому же барона нет уже целую неделю. — Может, его не будет еще месяц.

— Это меня серьезно беспокоит...

Из-за двери позвали:

— Вадим, Вадим.

Лицеист вышел в соседнюю комнату.

Там старушечий шопот, путаясь, сообщил:

— ...бьется головой о дверь, все время кричит, боюсь, как бы не услышали.

Лицо Вадима стало совершенно каменным.

— Но верхние-то двери закрыты?

— Закрыты все время.

— Нельзя ли забросить чем нибудь мягким, мешками какими-нибудь, чтобы звук не проходил.

— Попробую.

Вадим вышел в коридор, спустился по лесенке вниз, очутился в подвале перед железной дверкой. Дверка дрожала от чьих то ударов.

— Барон?

Дребезжащий голос из темноты выкрикнул:

— До каких пор вы будете морить меня голодом?

— До тех пор, пока вы не сообщите мне Берендеевского ключа.

— Сообщить вам, чтобы вы после этого застрелили меня, как собаку?

— Наоборот, вы тотчас же получите деньги и паспорт для проезда в Финляндию.

— Не верю.

— Как знаете.

Вадим помолчал.

— Я ухожу.

— Чорт побери, сегодня крыса почти отгрызла мне ногу..

— Это ваше дело.

— Вы предательски, обманом захватили меня, главного инициатора и творца заговора, вы подрываете наше общее святое дело из-за личных интересов, из любви к женщине!

Вадим возвратился в комнату.

Длинный продолжал прерванный разговор.

— Но покамест барон не вернулся, самое присутствие наших Памирских друзей бесполезно. Берендеев же владеет только половиной изобретения.

Вадим улыбнулся.

— Я почти убежден, что наш химик доведет операцию до конца. Итак, вы едете на телеграф? Идемте.

Из особняка вышли две фигуры по направлению к Арбату.

Таким образом из этого особняка тянулся клубок самых странных и запутанных событий. Совсем особыми качествами должен был обладать тот, кому суждено было их распутать. Серьезный, быть может, заговор удобно крылся за бредовой завесой. Ведь недаром ответственные работники только

смеялись и махали руками при упоминании об этом заговоре. Им он представлялся сумасшествием или анекдотом. И вот этот анекдот готовился — быть может, больно укусить Советскую власть. Настоящим противником этого заговора мог, пожалуй, стать только человек, сам склонный к некоторой фантазии и преувеличению. Человек, чье неискушенное опытом сознание приняло бы без сопротивления существование таинственного яда и загадочного химика на Памире и еще тысячи тому подобных вещей.

Чье комсомольское воображение мирно хранило бы рядом с тезисами Коммунистического Манифеста головоломные приключения любимого Пинкертона. В то же время исполненный революционной решимости и самоотвержения. Обладающий решительной свежестью восприятия, с гадливостью отвергающий садическую подоплеку, бредовую Россию кокаина и Мережковского.

И такой противник у заговора уже существовал. Более того, на Арбате, он уже стоял за спиной заговорщиков. Имя же ему было Точный. Товарищ Точный.

Не так давно друг и сожитель по комнате товарища Точного, знакомя его со своею сестрою (все трое будущие рабфаковцы, тогда студенты впервые открывшие двери для всех Университета), сказал:

— Живой чекист.

При чем товарищ Точный вспыхнул и ответил:

— Я выполняю техническую работу.

Действительно, он покамест подшивал бумаги в кабинете товарища Т.

В этот день он пробирался с грудою книг по Арбату. Метель одна из последних в этом году, сыпала в лицо горстями снега. Между горстями снега доносились слова:

— ...комиссары, красногвардейцы, члены совдепа!

— Дребедень!

Точный машинально уже прислушивался.

— ...и привезли два ящика опиума. Стоило это им...

Пропуск.

И опять.

— ...погрузили на автомобиль и доставили к...

Точный встрепенулся.

— Да это кто?

Два. Один пониже. Другой высокий.

— Выручка в сотнях тысяч. Риск по-прежнему незначителен. За вычетом организационных и транспорта...

На Арбатской площади обе фигуры остановились.

— Здесь мы расстаемся.

— Да, и надолго...

Жали руки.

— А постоянно...

— Отныне я буду обретаться у Мурмана...

— А я в Памир...

Расстались. Точный пошел за высоким. Вдруг высокий вскочил на извозчика.

В голове Точного мелькнуло:

— Задержать, следить...

Извозчик быстро удалялся.

— Пойду за низким.

Бобровый воротник низкого удалялся в направлении бульвара. Точный моментально его нагнал, заглянул

— Чорт побери, не тот...

Извозчика и след простыл. Настоящего низкого тоже не было в помине.

— Упустил! Кому же я теперь расскажу, засмеют...

Стоял на углу Воздвиженки в недоумении. Мысли нарисовали стройную картину.

— Явная контр-революция, плюс запреннейшая торговля наркотиками, плюс Мурман, плюс Памир. Значит Мурман то— Памир существует? Бежать, сообщить товарищу Т. немедленно!

И сразу же остыл.

— Что сообщить? Два слова, долетевшие с ветром. Все равно не обратят внимания. В Мурман-Памир никто ведь не верит.

И тут же назрела героическая решимость.

— Он должен, он обязан довести дело один самостоятельно до конца!

УЗЕЛ СОБЫТИЙ.

ХОТЯ в хозяйственном отделе Глав...снаб... пром... и т. д. было и не так морозно, как в Секретариате (где перья пристывали к чернильницам), но все же сидеть было трудно.

Дора Яковлевна куталась в бархатную шубку, ручки в рукава, лицо спрятано в пушистый воротник. Ровно одиннадцать часов. Промокательная бумага на столе прикреплена аккуратно кнопками. Бумажек никаких, все чисто и на месте. Просеребрился в холодной тишине звонок. И серебристым голоском Дора Яковлевна:

— У телефона! — Я, я...

— Уже? Образчик? — Сейчас. — Хорошо, сейчас же... — Здесь же. Жду... — Да, да... Трубка повешена. Но губки Доры Яковлевны дрожат, движения отрывистые. Вообще неспокойна.

— А это, ах, да, опять... Тут же за плечом вплотную густые сросшиеся черные брови и огромные же черные, наивные и вместе такие сверлящие глаза: товарищ Мартьяныч. Надоедливый. А главное: глаза эти—сидит

в противоположном углу, а оглянется и, кажется, что глаза эти с бровями тут вот, рядом.

Комсомольца Мартьяныча, верзилу с красным, как бы всегда с мороза, лицом, сидевшего с Дорой Яковлевной, один на один долгие месяцы в этой нетопленной комнате, считала Дора Яковлевна своим заклятым врагом.

Вот и теперь. Мартьяныч уже пристает!

—Товарищ Якобсон! Товарищ Якобсон! Кто это вам звонил по телефону?

— Да оставьте, пожалуйста, товарищ Мартьяныч, что вы, право? Это мое личное дело...

— Вы могли бы дома устраивать ваши личные дела!

— Вот еще...

Неслышно ступая, вошел человек в теплой бекеше, с мягким кенгуровым воротником, неслышно притворил дверь, взглянул вопросительно.

— Сюда, сюда...

Вошедший и Дора Яковлевна забились в самый угол, шепчутся, ничего почти не слыхать. А все-таки долетает:

—... Сейчас же, сейчас же понесу и предложу...

—... Машины нет, нет, я не могу достать, мне теперь не дают.

В голове товарища Мартьяныча:

— Вчера клянчила у Розанова машину, говорит—привезти из деревни картошку, не дали ей.

— Но без машины... Откуда же я... Но крупные комиссионные...

Заговорили о деньгах, и сразу стало слышнее—свистящий шопот:

— При чем тут комиссионные?

— Мы бы сами доставили. Скажите адрес.

— Не скажу я адреса. Буду ждать.

— Где?

Сразу полная тишина. Ни слова не разберешь.

— Значит, сейчас же, сейчас же бегу...

Щелкнул каблуками.

— *Какая сумочка? Никакой сумочки нет.*

В голове Мартьяныча:

—По-во-ен-но-му!

Дора Яковлевна суетится, что-то складывает.

Вдруг обомлела. Красная невероятных размеров лапища щупает сверток. Мартьяныч спрашивает:

— Что это вы получили, товарищ Якобсон? Не колбасу ли?

— Вы с ума сошли. Оставьте сейчас же. Колбаса вас не касается. Отскочил, ага... то-то, возьму и пожалуюсь Розанову. Со смешком, торопливо: Чулки и панталоны. И деловито:—Я должна сейчас же убежать на полчааса не, больше.

— Шагайте, шагайте!..

Попудрилась и выбежала.

Мартьяныч у телефона:

— Да, да, да. Коммутатор. Да, да да. Владимира, Точного попросите.

Володя?...

— У тебя теперь особый интерес к торговле, ты знаешь чем... Побежала предлагать образчик... То-есть очень, очень похоже. Принесли ей сверток, она с ним побежала. Я сверток потрогал... Думал бежать сейчас же за ней... Да?—Ну, хорошо.

Кинулся в соседнюю комнату.

— Одел ваш полушубок и шапку!

И стремительно скатился с лестницы. Спрятался весь в полушубок, до бровей надвинута мохнатая, чужая папаха.

Бегом по переулку. Вон она. Теперь осторожней. Перебежала Тверскую. По Твер-

ской. Забежала в под'езд. Дом №! Вбежала по лестнице. Пока звонилась, мимо наверх, скача через несколько ступенек, кто-то пронесся. Дверь захлопнулась за Дорой Яковлевной.

— Так. Квартира №. Дверь открылась и Дора Яковлевна побежала вниз. Мартьяныч на площадке перед дверью.

Дом №. Квартира №. Хорошо. Но... Захватить их здесь можно будет, и товар, вероятно. А от кого получено, кто привозит, и не узнаем. Только станут осторожнее. А Точному важно как раз, кто возит. Памир— ведь? Как же быть-то?

Постоял минуту, пощупал браунинг и храбро позвонил. Удивился, что горничная была, постарому — дореволюционному — в наколке, чистенькая, почти не видал таких.

А сам стремительно:

— Барышня сейчас заходила, оставила сумочку, очень важно, поскорее... Дора Яковлевна Якобсон... Попал в следующую комнату. Ковры, безделушки. Как живут! Вот тебе и карточная система и предметы роскоши, ставшие общим достоянием. Бумажками запаслись.

Женщина в японском пенюаре, очень осторожно:

— Но...

А про себя:

— Ведь глаза огромные, наивные, совершенно детские, растерянные...

— Какая сумочка? Никакой сумочки нет?

Перерывала вещи на креслах, на диванчиках, подушки с попугаями, какие-то шелковые накидки. Книги в дорогих переплетах.

Тепло как! А мы встаем когда, ухх... у Точного портянка к Энгельсу примерзла: происхождение семьи, собственности и государства.

В то же время Мартьяныч говорил:

— Главное страшно важно... В сумочке положила бумажки, где записала, что вы ей сказали...

— Ничего она не записывала. Да где же?

Женщина продолжала рыться.

— Нет, нет, было. Записала и положила.

— Не я ей сказала, а она мне сказала... По шоссе, за Преображенской заставой 1-й проселок за собачьей будкой, так ведь?

— Вот именно: за собачьей будкой! Налево!—Соврал с разгона Мартьяныч и сам удивился

— Да это и не нужно, ведь мы с ней будем ждать... Нету сумочки.

— Как же быть-то?

— Но она же будет у меня сегодня!

Женщина придвинулась близко.

— Какие у вас брови! Вы с этим вместе!..

Пахнуло в лицо пудрой, чем то сладким, незнакомым...

А в голове быстрая, невесть откуда, четкая мысль:

— Ура... И своих сразу выдала... А громко:

— Да, да. И выбежал. Про себя: — Да здравствует рабочая революция. Разгромить этот притон.

Все-таки стало легче, когда вышел.

Дора Яковлевна перебегала Тверскую.

Вдруг, вне себя от изумления:

— Барон? Откуда вы... худой, обросший? И тихо:—Из Чеки?

— Нет, нет... Ради Бога, тише... Ничего сейчас не могу сказать. Необходимо хотя бы немного денег.

— Пожалуйста, пожалуйста...

— И ни слова... Вадиму! Что меня видели...

— Вадиму?

— Да, да...

— И никому... пока... Спасибо, я у вас буду, помните же.

— Ну, конечно.

— Исчезаю...

И исчез.

— Ничего не поняла!..

Дора Яковлевна влетела на службу.

— И Мартьяныч ушел? Ах, паршивец... Канцелярия одна оставалась... Ах, нет, вон его пальто висит.

И сразу к телефону.

А Мартьяныч уже тут... Из соседней комнаты слушает.

— Алло! Вы? Вы? Слушайте. Все устраивается. Подходит. Ну да, да... Подходит. Все подходит. Да.. Да... Но необходимо сегодня же. Обязательно сегодня же. Что? Автомобиль? Достали? Уже? Каким образом? Вы смеетесь... Ну да, конечно, конечно, это ваше дело. Значит, сегодня. Так... Так... Слушайте же: день и час, как мы условились, но се-го-дня. Так..

Дзинь... дзинь... Настала тишина.

— Мартьяныч, меня никто не спрашивал?

— Нет, нет, никто...

Мартьяныч оделся и вышел. Через 10 минут он уже был в Чрезвычайной.

— Володя.

Друзья отошли в сторонку.

— Ну, что?

Мартьяныч подробно поведал о своих успехах.

Точный наморщил лоб.

— Постой-ка! Автомобиль? Идем!

Вышли в соседнюю комнату.

— Товарищ Балин, это у вас звонили что-то об автомобиле?

— Да, да...

— В чем там дело?

— Из Басманного района. В 12 часов на Солянке трое неизвестных подошли к автомобилю Моссовета и пред'явили мандаты ВеЧеКа, об'явили шоффера арестованным и помчались с большой скоростью в Лефортово, потом по Немецкой улице. На Немецкой выбросили шоффера на полном ходу из автомобиля, при чем шоффер видел, что машина свернула на Елоховку и умчалась по направлению к Преображенской заставе...

Друзья переглянулись: за Преображенской заставой.

— Больше ничего! № машины, описание. Проверяем мандаты. На имя...

— Ладно...

Друзья вышли в коридор.

Точный сказал:

— Заметь, Преображенская застава, шоссе, рядом ведь Московско-Казанская ж. д... Из Ташкента..

Он был ниже Мартьяныча. Черты лица правильные. Упрямейший затылок приглажен, лицо всегда озабоченное, аккуратен, за что и получил название Точного. В Чрезвычайной его шутливо любили и постепенно втягивали и в серьезную работу.

Мартьяныч говорил:

— Материал, таким образом, прекрасный... Можно хоть сейчас заарестовать Якобсониху и квартиру на Тверской. Ты скажи там.

Точный раздраженно:

— Нет, не то, не то... Совершенно не надо. Сегодня мы должны быть на шоссе и выследить тех... Понимаешь?

— Да, я так и думаю.

— Я здесь определенно подозреваю связь с Мурманом-Памиром.

— Ну на это, ведь, нет никаких оснований.

— Не скажи... А этим...

Точный кивнул в сторону кабинета.

—... не надо ничего и сообщать.

И сейчас же прибавил:

— Они, разумеется, прекрасные работники, стойкие революционеры, но... но... Здесь, в этом деле они не понимают... Они просто не хотят понять...

— Знаю, знаю... Вздыхал Мартьяныч.

— Пойду просить машину.

С большим трудом, чуть-чуть не прибегнув к вранью удалось выпросить машину на всю ночь.

— Заедем и в Лефортово, в милицию, узнаем подробно о той машине.

У железной двери остановился.

— Стой. А „собачья будка"? Что за „собачья будка"?

— Верно... Курьер у нас из Черкизова. Спросим.

— „Собачья будка"? Есть, есть .. Оно конечно, не собачья будка, а дачка, так ее у нас называют „собачья будка", дверь одна...

Были даны точные указания.

Внизу уже заводили мотор.

В это самое время в Румянцевской Библиотеке, в читальном зале сидел невысокий человек в шинели с бобровым воротником

(в зале было холодно). Со всех сторон он обложился старинными толстыми книгами, трактовавшими о средневековых казнях, с чертежами всевозможнейших орудий пытки, делал заметки и записывал.

Когда совсем стемнело, невысокий человек сдал книги и направился в сторону переулков, расположенных между Арбатом и Пречистенкой.

Дома ему подали записку. На записке стояло:

„Условия подходящи. Машину достали. Сегодня".

Пришедший сел обедать. Вопросительно взглянул на мать.

Та сказала:

— Весь день с утра тихо.

Сын начал медлительно и спокойно кушать. При этом разложил на столе свои заметки и что-то соображал. Пообедал, не торопясь, пил чай, хрустел печеньем, все время держа перед глазами чертежи. Потом встал и направился в подвал.

У железной двери остановился. Все было немо. Кашлянул. Тишина. Прикоснулся к двери, вдруг... дверь отошла. Попятился. Чиркнул спичку, другую. Каморка была пуста.

На стене кровью, видимо из обрезанного пальца, наспех было выведено:

„Продолжайте наше общее святое дело. С этой стороны меня не опасайтесь. Но с вами лично мы посчитаемся".

„Вами" было подчеркнуто, „посчитаемся" было подчеркнуто три раза.

Вадим совершенно опешил. Только одна мысль шевельнулась у него: не пожалел собственной крови подчеркнуть три раза...

ПОД ДВОЙНЫМ СВЕТОМ.

НАСТУПИЛА ночь. Около часу пополуночи в районе Преображенской заставы по избитому ухабами проселку шла открытая машина.

В машине сидело четыре человека, каждый из сидящих держал наготове маузер. В кузове лежали два ящика, зашитые в рогожи. Машина шла с потушенными огнями. Пробиралась с трудом. Колеса уходили в снег, дорога лежала по ложбинам, взбегала на пригорки.

На значительном расстоянии тускло мерцали редкие огни шоссе. Сидящие напряженно всматривались в непроницаемую стену темноты. Вдруг их внимание привлекло довольно небывалое явление.

Впереди в глухом поле вспыхнул и пропал какой-то довольно неопределенный огонек, потом еще раз, несколько ярче. Пробежало две—три минуты. Огонек вспыхнул еще раз значительно ближе. Потом над гребнем одного из пригорков стало чуть ощущаться какое-то мерцание. Сидевшие в молчании впились глазами в непонятное явление. Мерцание нарастало. Сомнений оставалось все меньше. По безлюдному проселку навстречу путникам шла другая машина.

На гребне холма свет стал ярким, режущим глаза, на одно мгновение две полосы света ударили кверху, качнулись и два пятна—фонаря побежали книзу.

Человек в теплой бекеше с мягким кенгуровым воротником обратился к высокому, сидевшему рядом:

— Мы преданы.

Высокий отвечал:

— Это еще не обязательно.

— Но кому ехать в такую пору по этим местам?

— Конечно подозрительно, но мало ли что возможно... Во всяком случае, не забывайте наш ассортимент советских удостоверений.

Низкий произнес:

— Свернуть некуда. Было бы выгоднее вернуться или остаться здесь.

— Нет, надо итти вперед.

— Вы погубите нас!

— Молчите вы!

Еще мгновение и нестерпимо резкая полоса света ударила в глаза сидящих, разом выхватив из мрака все подробности автомобиля, пассажиров и груза. Крывшаяся досих пор в темноте машина была открыта.

— В последний раз говорю—вернемся.

— Поздно...

Но поймав бандитов в полосу света встречная машина, шедшая под уклон со значительной скоростью, стала заметно сокращать ход и посреди спуска затормозила. Нижняя машина медленно, проваливаясь в снег, ползла кверху. Сидевшие в ней под яркой струей света инстинктивно жались к углам, прятали головы в воротники.

Руки судорожно приростали к рукояткам маузеров.

Когда мотор машины, боровшийся со снегом, на секунду затихал, слышно было частое та-та-та-та стоявшей.

Нижняя как бы придавленная происходящим робко ползла, огибая пришедшую из города.

Встречная качнулась, чуть попятилась и поворачивалась, сохраняя шедшую наверх под фонарями. Во время этого перемещения неясно можно было различить скрытый за сиянием фонарей силуэт стоявшей: соро-

ка-сильный кареткой „бенц". Число людей, сидевших в „бенце" определить было невозможно.

Ни с той, ни с другой стороны не было произнесено ни одного слова. Открытая машина пробиралась вверх попрежнему в лучах света. „Бенц" на некотором расстоянии следовал за ней. „Бенцу" итти было легче: он был сильнее и шел по колеям, проложенным первой машиной.

Настроение бандитов было подавленное. План „бенца" был совершенно правилен: став позади шедшей в город машины, отрезать ей путь бегства в поля и прижать ее к городской черте: освещенным улицам и милицейским постам.

Видимо рассчитывая в любой момент нагнать противника, „бенц" заметно отставал. При этом в „бенце" шли разногласия.

Шоффер, оборотясь к Мартьянычу и Точному, говорил:

— Мы дурака валять сюда выехали, или за делом?

На что Точный отвечал опять-таки вопросом:

— Товарищ шоффер, вы в нашем распоряжении, или мы в вашем?

— Не знаю, кто у кого в распоряжении, возможно, вам интересно из себя начальство строить. Понятно, я шоффер, величина незначительная, даже просто мнимая, травка, былинка, однако, если бы захотелось сказать: не идет машина, испорчена, то, конечно, самое большое начальство, хоть отсюда, кати пешком—не угодно ли пройтиться! При том же я шоффер ВеЧеКовский, дело свое знаю и вас постарше.

Убеждения, кажется, действовали. Точный сказал:

— Так что же вам надо?

— То, что и давеча сказал, когда они под нами стояли. Надо было сразу их брать теперь чего мы едем. Подойти и задержать с поличным!

— Ах, вы ничего не понимаете..

— Вы то очень много понимаете!..

— Еще рано, надо их довести до города.

— Вот глупость то, жди неизвестно чего! Мало ли что там впереди у них будет. А может у них там впереди то посты свои выставлены, да караулы. Как бандита увидали, значит надо его брать.

— Их четверо, а нас...

— Вот невидаль, да я бы и один налетел. Они же дрефят. Подошел бы: дай документы, бросай оружие и крышка. Ну вот что, ребятишки! Хотите, не хотите, можете выпрыгивать, а я к ним под'езжаю...

Шоффер ускорил ход. „Бенц" нагонял.

Комсомольцы волей-неволей принужденные согласиться, приготовились к бою.

Вдруг далеко позади раза три неясно прозвучало что-то похожее на автомобильный гудок. Через секунду из-за лесочка сильная струя света полоснула горизонт В „бенце" остолбенели.

Третья машина вдогонку обеим шла по проселку.

Притом машина огромной мощности.

Полуинстинктивно шоффер „бенца" выключил фонари.

Как по команде, очутившаяся в темноте, головная машина зажгла фонари и стала поворачиваться, нащупывая врага.

Новая же машина летела, действительно сломя голову, пользуясь колоссальным превосходством хода, приближалась совершенно открыто, ощупывая горизонт и все время давала сигналы, как бы вызывая на бой любого врага.

„Бенц" стоял в ложбине. Светящаяся рука задней машины из-за холма, уже протянулась высоко в воздухе над „бенцем". Но и спереди фонари бандитской машины, раскачиваясь, наступали.

— Необходимо сейчас же свернуть с дороги, прошептал шоффер.

Но кругом глубокий снег. Свет от задней машины повис в каком-нибудь аршине над кареткой. Еще минута и „бенц" будет открыт. Вдруг Мартьяныч выкрикнул:

— За сарай!

Действительно, на краю дороги чернела какая-то постройка.

„Бенц" подлетел к ней, шоффер со всей силой ударил передними колесами в приоткрытые ворота. Они распахнулись и „бенц" на три четверти заскочил в сарай, но задние колеса завязли.

Шоффер надавил сильнее, сарай трясся, трещал, но не пускал. Еще напор, и машина вскочила в сарай, хвативши с разгона в противоположную стенку. Солома, доски, всякая дрянь посыпались сверху, выбили стекло каретки, зацепили шоффера по голове.

Тотчас же шоффер выключил мотор. Зад каретки исчез как раз во-время, потому что нестерпимый свет в упор залил дорогу перед сараем, пролез в каждую щелку, слепил глаза.

Шоффер, Мартьяныч и Точный с револьверами в руках стояли в воротах, забыв о передней машине, все трое не могли оторвать глаз от налетавшего сзади пятна света.

Задняя машина развила исключительную скорость. Измалывала снег в порошок. Сирена теперь все время выла, угрожающе взвизгивая и оглушая.

— Идет страшной силы машина,—шопотом сказал шоффер.

— Пройдет или остановится?

Все молчали.

Вдруг шоффер уверенно сказал:

— Идет мимо.

— Почему?

— По ходу видать.

В то же мгновение что-то, как вихрь, засыпало весь сарай снегом, сразу наступила тьма и черное узкое тело, как пуля, исчезло впереди.

Точному показалось, что в небольшом автомобиле сидел всего один человек. Еще раз пролетевшая машина целой кучей снега мелькнула на ближайшем пригорке, перемахнув его с такой силой, что задние колеса подбросило в воздух. И все разом провалилось за гребень.

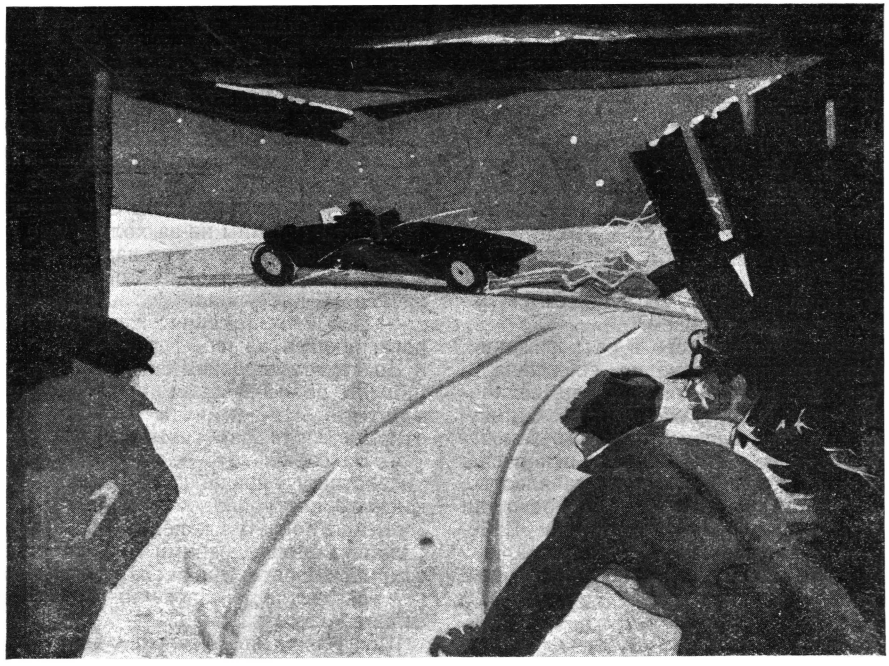
Но дальше наступило нечто непонятное. За гребнем прозвучал выстрел, другой. Раздался звон разбитого стекла. Потом выстрелы посыпались часто, как из пулемета.

— Револьвер-пулемет, — сказал шоффер.

Хлопали маузеры. Бились стекла. Лопались шины. Фонари плясали по горизонту, повидимому машины крутились на месте. Слышались крики, ругань.

Постепенно все стихло.

Шоффер, Мартьяныч и Точный начали выкатывать машину из сарая. Это отняло немало времени, так как ворота не пускали. Наконец, машина стояла на дороге. Ее пришлось еще заводить. Фонари, поврежденные от удара об стенку сарая, зажечь не удалось.



Шоффер Мартьяныч и Точный с револьверами в руках стояли в воротах...

За пригорком воцарилась уже полная тишина. Но когда „бенц" взлетел на пригорок его сразу охватило светом: освещала его только одна пара фонарей. Потом свет стал удаляться, при этом далеко не с прежней быстротой. Осторожно проехали место побоища, усыпанное разбитым стеклом, после чего „бенц" пошел на третей скорости.

Комсомольцы, сжимающие револьверы и внимательно глядевшие в темноту, заметили, что расстояние между машинами сокращается. Удалось выяснить и причину

ослабленности хода передней машины: она вела на буксире открытую машину, встреченную комсомольцами ранее.

„Бенц" определенно нагонял. Но навстречу уже плыли тусклые огни шоссе и вырисовывались окраины. Неизвестные уже взобрались на обледенелый, довольно, крутой, под'ем, отделявший их от шоссе. Здесь их колеса забуксовали, „бенц" моментально подлетел. Оставалось еще несколько саженей „бенц" был на середине уклона, неизвестные вверху. Вдруг комсомольцы почувствовали тяжелое темное тело, летящее по уклону на них. Шоффер едва успел выбросить машину в сторону, где она провалилась в глубокий снег и легла на бок. Мимо по уклону пронеслась открытая машина без всякого управления и застряла в снегу несколькими саженями ниже.

Оказалось, что неизвестные, может быть, видя, что удрать не удается, обрезали веревку, за которую привязана была буксируемая машина. Передняя машина, освобожденная от груза, сразу рванула вверх и со страшной скоростью пролетела шоссе. Победоносно рявкнула несколько раз, потом видно было, как, то гася, то зажигая фонари, иногда подвывая, она раза два круто свернула, понеслась мимо какого-то бесконечного забора и пропала.

Шоффер смачно выругался. Все трое не без труда подняли завязший „бенц" и вытащили его на дорогу. Побежали к нижней машине. Она оказалась пустой, с разбитыми фонарями, лопнувшими камерами. Пришлось взять ее на буксир и тащиться в город. Шоффер не очень унывал

— Все-таки подработали машинку

Люди его интересовали меньше, чем машины.

Но комсомольцы были злы. Не было никакой возможности разобраться в происшедшем.

А что им скажут завтра в Чрезвычайной за то, что допустили провоз в город наркотиков?

— Второй раз под самым носом, — бормотал Точный.

В Совете были очень удивлены, когда в 3 часа ночи им доставили, хотя и помятую, но в общем исправную машину, уведенную накануне.

СЛЕД АВТОБАНДИТА.

В ПОСЛЕДНИЙ, может быть, раз в этом году снега по-мартовски ослепительно сияли. Ветер дышал свежестью и гнилью. Проселок на ухабах заледенел.

По проселку, тому самому, на котором вчера произошел загадочный грабеж, шли трое.

По бокам Мартьяныч и Точный. Между ними шагал невысокий человек в валенках, теплой курточке и шерстяном шлеме. Лицо немолодое и не старое, круглое. Зрачки, маленькие, как булавочные головки, сверлили залитое светом пространство.

Это был знаменитый, единственный в России „автомобильный человечек" Московского Угрозыска. Незаменимость его заключалась в том, что он знал все автомобили в Москве наперечет, по №№ и по внешнему виду, даже по отдельным частям. Знал в лицо всех шоферов, всех мастеров по ремонту, мог, наконец, определить машину по ходу и по гудку. Часто сидя в одной из имеющих отношение к розыску комнатках по Тверской, человечек, закрыв глаза, вслушивался в уличный шум, различал знакомые машины, знал, во сколько, приблизительно, часов должна пройти та или другая, знал часто кто, куда и за чем едет. Услышав незнакомый звук, хмурился, вскакивал, присматривался и запоминал. Москва была для него только большим и сложным механизмом, который можно разобрать и сложить по частям при достаточном навыке.

Уже первое появление его в Угрозыске было необычайно. В полном смысле слова его создали события Несколько лет тому назад, перед войной, когда особенно развились грабежи на автомобилях, и розыск сбивался с ног в борьбе с этим новым видом преступления, появился маленький человечек. Почти в том виде, как и теперь, он вошел в кабинет Начальника и сказал:

— Вот я знаю все московские автомобили по №№ и по виду.

Начальник удивился. Проверили. Оказалось верно. Еще раз проверили. Опять оказалось верно. Удивились еще более. Сразу пустили человека в работу. Результаты были поразительные. С тех пор человечек ценился на вес золота.

Шел он очень неуклюже, расставив руки, опустив голову. Мартьяныч и Точный со вниманием следили за ним Все их вопросы человечек оставлял без ответа. Он внимательно разглядывал следы шин, уцелевшие кое-где на дороге.

Один раз на особенно ярком месте сказал:

— Вот ваш „бенц" шел, вот их ихняя открытая, а вот..

Тут он с уважением замолчал. Легкий ноздреватый снег был прорезан двумя уверенными глубокими колеями сравнительно с другими довольно узкими.

Не оставлял без внимания человечек и попадавшихся пятен от бензина. У одного даже встал, внимательно и серьезно понюхал. Лицо стало уверенным и твердым.

Он обратился к Точному:

— Была она ростом повыше среднего, зад у ней острый, яйцом, сидел в ней один человек

— Так, так и было,—поспешно отозвался Точный.

Человечек молчал.

— Машина страшной мощности,—прибавил Точный.

Человек усмехнулся.

— Ну страшной не страшной, это вам со страху почудилось. А все же для легковой очень порядочная, 70 сил. Машин таких на Москве всего несколько, на перечете. Машина конечно, удивительная. Ее бы председателю нашей Красной Армии, товарищу Троцкому, а вот, поди-же ты, ездит в ней автобандит.

Имя Троцкого, только что оставившего комиссариат иностранных дел и принявшего комиссариат по военным делам было в эти дни у всех на устах.

Наскучившее молчание прервал Точный.

— Я подозреваю разногласие среди членов Мурман-Памира. Возможно, что в 70-сильной ехал кто-нибудь из них же.

Человечек мрачно пробормотал:

— И никто не из их, ехал в ней Левка-автобандит. Покрышки, сволочь, переменил, да не проведет нажим у него особый, и все другое.

Точный, наконец, возмутился:

— Товарищ, вы не имеете никакого права не отвечать нам на вопросы, мы работники Чрезвычайной Комиссии, будьте добры немедленно об'яснить кто такой бандит, о котором вы говорите!

Человечек прищурил один глаз и лениво, нехотя пробормотал:

— Да и об'яснять то, можно сказать, нечего. Есть такой на Москве Левка-автобандит. Машину водит прямо превосходно, по цирковому, ездит он всегда один. Налеты делает постоянно. Пришить его не было никакой возможности, всех измотал, подлец, в доску. Только слушок был, за лючили с ним наши агенты в роде договор такой, ни он никого не трогает, ни мы как будто, опять же, чтобы вернее взять. Не знаю этого я, не точно это. Только вот уже полгода Левка верно, как в воду ка ул. Ни слуху, ни духу. Теперь же, покрышки переменил и вновь выехал. Правда, поступает по справедливому, по своему то-есть, не на мирных граждан напал, а опять таки на воров. Но все же не имел полного права. Это он, вернее всего, весточку нам подает, вот, мол, я выплыл, а как вы к такой моей деятельности отзоветесь?

Дороги разветвлялись. Глубокие колеи шли в одну сторону, след же открытого автомобиля в другую.

— Нам необходимо выяснить, откуда пришла открытая машина,—сказал Точный.

Человечек ответил:

— Выясняй не выясняй, а вон взгляните тянется ее дорога, опять-таки от шоссе, а на шоссе все следы затерты, там выяснять ничего не берусь. За автобандитом же пойти можно будет!

Действительно, колея открытой машины за несколько десятков саженей выходила на какое-то шоссе, след же автобандита вел за лесок на горку. Там оказалась небольшая деревушка, дворов 10. Следы шин уперлись в ворота. Двор был пошире и получше других, здесь помещалась деревенская лавочка. Автомобильный человечек постучал в избу.

Хозяин, довольно жуликоватого вида, подозрительно оглядел вошедших. Но человечек прочно уселся на лавке и заявил:

— Ну, хозяин, хочешь-не хочешь, принимай гостей. Собирай обедать, умаялись очень, да не бойся, за все уплатим.

Пообедать было совершенно нелишнее, появились жирные щи. Автомобильный человечек ел молча, уткнувшись в тарелку, потом, скосившись на хозяина, неспешно произнес:

— И долго Левка вчера у тебя просидел?

На хитрого, подслеповатого крестьянина вопрос, казалось, не произвел никакого действия. Сидя в углу, он продолжал закручивать цыгарку, лицо не дрогнуло, также неспешно, как и агент, он ответил:

— А кто по нашим местам ходит, свидете ей за собой не водит. Человек штука легкая, что твоя пушинка. На ладонь положу, да подую, а там кто хочет пяль зенки. Ветром надуло, ветром и сдуло. Тебе кого надоть, ищи на проселке с ветром.

Агент в тон ему сказал:

— А бывает и по другому. Медведь идет, где хребтом зацепит, сук ломит, лапой встанет, а на снегу коготь лижет, может, и к тебе на двор закатывал.

Не моргнув глазом, хозяин затянулся цыгаркой:

— Спасибо, что сказали. Баба моя и то двор разметает. Точно у меня ворота настежь, сами видите, хозяин я хлебосольный. Не только медведь, может и тигра из цирка по двору бродила, всякого за хвост не ухватишь.

Автомобильный человечек снова уткнулся в тарелку. Хозяин молча сплюнул. Отобедали. Агент набил трубку и опять неспеша спросил:

— Да ты скажи лучше, сколько тебе за молчание дадено?

— А что, нам? Наше дело маленькое, деньги берем, бухгалтеров не держим. Мы со старухой люди больные. пошарь по тулупам, хоть копейку найдешь, все твое, не жалко А коли в углу, где под черный день припасена копейка, то опять же на деньгах штемпелей не кладут, кому и за что отвалено.

— Верткий у тебя хвост-то. Да только опять ты не на тот лад запел. Может мы тебе и сами приложим малую толику.

Старик почесал голову и, с расстановкой, с видом глубочайшего призрения произнес:

— Оно конешно, бедным людям всякий поможет, и наша милость взять не откажется. Только и бумажка наша—керенка — что в ней! Ни в карман ее не положить, ни купить на нее нечего Тяжелое для нас мужичков времячко подошло.

— А эта тебе не подойдет?

Агент вытащил из кармана радужную „Катеньку“. Старик весь оживился.

— Гляди, паря, ей право, как бы и впрямь у нас разговора не вышло.

Агент заговорил совсем новым тоном:

— Да ты подь сюда ближе, милый человек, я то ведь вижу, ты сам не из ихних, а заезжал к тебе Левка может и не раз посидеть да переждать, только и всего твоего дела.

— Да что тебе-то от нас нужно? Небойсь, сойдемся.

Старик подсел к столу.

— Вот то-то и оно. Скажи нам только, что о Левке знаешь и как его найти, к примеру сказать, завтра. За сказ дам тебе я сразу эту самую „Катеньку“, а как мы по твоим словам на деле проверим и окажется все, как следует быть, тут мы тебе вторую, без обмана!

— Уж будто и вторую дадите?

— А что же?

— Ну давай - бумажку-то.

— Бумажка не уплывет. Ты мне веришь, я тебе верю. Вот тут пусть полежит на середке. Скажу бери, так и твоя. А ты не стой, выкладывай, что знаешь.

Старик придвинулся и, понизив голову, заговорил:

— Правильно ты сказал, Левку только я и знаю, что он ко мне заезжал да всего на всего два раза. А кто ему на меня указал, к этому дело не касается. Левку же хоть завтра же взять можете, скажу я вам: есть на Сухаревке по названию „рыжий“, все его знают, порошками разными торгует от клопа, а вернее совдепскими бумагами, какие кому потребны, липами то-исть, и где он обретается, есть у них такое в роде кафе свое, самогон дуют, другое чорт их что ведает, здесь-то Левка обретается каждодневно. Там мне и сказывал: если что тебе надо ко мне, найди „рыжего“. Ну давай деньги.

Старик воровским движением схватил бумажку со стола.

— Да стой ты, стой ..

— Вот тебе и стой, проверяй на деле, да гоните вторую такую же.

— Ну, ладно, чорт с тобой.

Агент стал напяливать шлем.

Старик суетился, в волнении засовывал „Катеньку“ подальше.

— Ну вот, ну вот, так-то получше будет, миром да ладом, а ругаться не надо. Христос с вами, подите.

Но агент мрачно сказал:

— Ладно тебе с твоим христом. Ты на свет бумажку посмотри!

Старик весь изогнулся:

— Да что ты, никак фальшивая?

— А что же, я бы тебе настоящую дал? Мы для таких супчиков, как ты особые деньги носим!

— Ах, ты чорт... старик залился градом ругательств.

— А ты полай еще, полай немножко!

Агент приставил револьвер к лицу старика, потащил за воротник в угол и водил дулом перед глазами из стороны в сторону.

— Если, собака, Левке да что-нибудь известно станет—конченый ты человек.

По дороге в город автомобильный человечек посоветовал Точному, если его интересует авто-бандит, скорее, не теряя времени, отправиться по указанному адресу.

(Продолжение в следующем номере).

ВТОРОЙ НОМЕР
БОРЬБЫ
МИРОВ
ВЫЙДЕТ 15 ФЕВРАЛЯ.

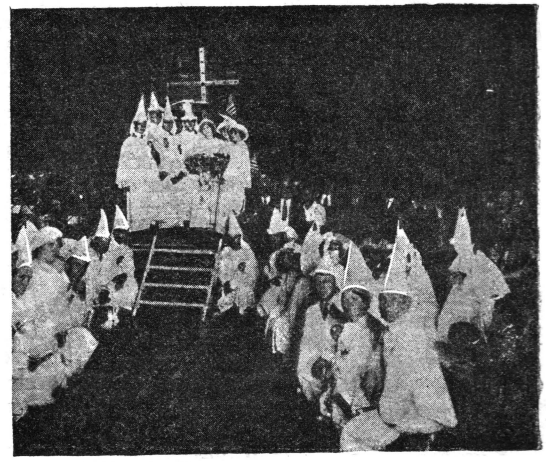
ФОТО-ЭКРАН

КУ КЛУС КЛАН
СОЮЗ 100% АМЕРИКАНЦЕВ.
ЧЕРНОСОТЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ С. А. С. Ш.

Раговая лестница членов клана:

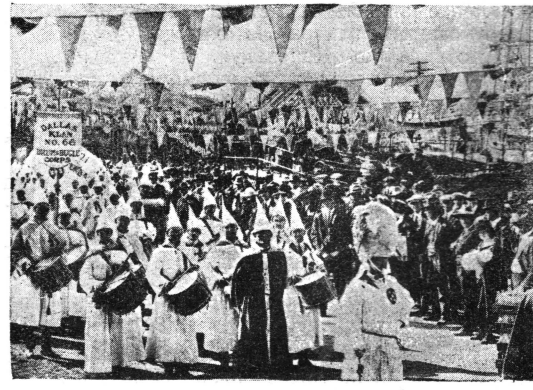
1. Клигрупс, 2. Клиль, 3. Клефиль, 4. Возвышенный кузнец, 5. Главный колдун, 6. Старший леший.

Старший леший глава клана Dallas 66



Свадьба кланцев.

Ку Клус Клан насчитывает до 2.000.000 членов среди богатых фермеров, отставных военных—участников войны и прочей „демократии".



Парад клана Dallas 66.

РОТА КАПИТАНА СВЯТЦЕВА.

Андрей Иркутов.

Иллюстрации М. Храпковский.

I.

КОГДА за плечами двадцать один год, а на плечах капитанские погоны, то чувствуешь себя здорово хорошо.

Подумайте двадцать—только один год и уже капитан.

Не штабс-капитан, нет. Не четыре звездочки на одной полоске, а просто одна, одна полоска без всяких звездочек. Ка-питан. Ка-пи-тан Святцев.

Страшно шикарно! А? Когда знакомишься с кем-нибудь (кто-нибудь—это, конечно, молодая и интересная женщина) и щелкая шпорами представляешься: капитан Святцев, это звучит как... ну одним словом—шикарно.

А сколько товарищей одновременно с ним примерявших первые погоны в дортуаре юнкерского училища так и остались прапорами. А почему? Храбрости не хватило? Нет, были такие молодцы, что просто прелесть. Не в храбрости дело. Ручки пачкать боялись. К солдату подходили как-то виновато и „ты“ у них все равно как „вы“ выходило. Ну и застряли.

А он—Святцев—сразу постиг всю несложную механику военного дела: „не рассуждать“ и „в морду“!

„В морду“ у него особенно хорошо выходило. Звонко, хлестко, а главное обидно. Так обидно, что солдаты, которых он бил, долго плакали потом, где-нибудь в темном углу окопа.

Вот за это-то он и носит погоны капитана так идущие к его молодому почти безусому лицу.

Капитан 10-го сибирского стрелкового полка Святцев.

А впрочем виноват — 10-го сибирского стрелкового это было. А теперь иначе: 2-го сводного добровольческого полка капитан Святцев.

И это еще шикарнее. Добро-воль-ческого. Такой знаете ли ореол борца за освобождение поруганной родины, такое гордое сознание своего превосходства над всеми крикунами и писаками, которые прячутся за спиной великой армии добровольцев. Правда ведь это еще шикарнее.

Полк сформировался недавно. Святцев всего месяц как выбрался из Бессарабии, где он служил переводчиком у какого-то румынского колонеля и уже заслужил такое доверие, такое доверие что...

Ну, одним словом вчера сам Гришин-Алмазов, диктатор Одессы, позвал к себе молодого капитана и сказал:

— Я имею самые лестные отзывы о вас, капитан.

— Рад слышать, ваше превосходительство, —вытянулся Святцев.

— Да самые лестные. Мм... Так вот. Я могу на вас положиться, я думаю.

— Рад служить, ваше превосходительство.

— Так, так, ну вот, да что это я,—генерал много кутил последнее время, и память стала изменять ему.—Ах вот! Надо поехать с бумагами к его превосходительству генералу Деникину и... Ну одним словом ответственное поручение, понимаете. Я позабочусь о том, чтобы вас оставили там и поручили ответственное командование. Да!?

— Премного обязан, ваше превосходительство.

— Да. Документы и все прочее получите у моего ад'ютанта. Помните. Кругом кишат их агенты. При встречах осторожно. Ну да я полагаю...

— Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство.

Удивительно четко поворачивается этот Святцев. И так ритмично идет. Генерал с удовольствием смотрит ему в след.

— Одну минутку, капитан.

— Слушаю ваше превосходительство.

— Вы какое училище окончили.

— Павловское военное, ваше превосходительство

— Можете итти.

II.

ДВАДЦАТЬ один год. Это очень немного. Но когда в них шесть лет, целых шесть лет напряженной борьбы трудной и ответственной работы в подполье под вечной угрозой ареста, ссылки, смерти может быть, тогда двадцать один год это большая жизнь.

С детства в душных отравленных пылью свинца комнатах типографии, с детства под непосильной тяжестью работы. Работа с раннего утра до поздней ночи. С детства вокруг брань и побои, с детства зверская нужда железными пальцами рыданий сдавливающая горло. Проклятое детство.

И только одно светлое пятно на серых днях его прошлого один образ раз навсегда оставшийся в памяти врезавшийся в нее глубоко, глубоко. Незабываемый образ.

Наборщик Лядов Высокий худой с ввалившейся грудью то и дело разрываемой припадками кашля с усталыми глубоко запавшими глазами, и такими ласковыми пальцами покрытых свинцовой пылью рук.

Вспомнишь его и так вот и представляешь себе его руку на взьерошенных детских волосах и ласковый голос:

— Что. Петька, трудно

Всегда плакать хотелось и смеяться вместе, когда он говорил так.

Каморку его вспоминаешь, в которую взял он мальчишку, когда отец с перепоя нырнул под какой-то барский автомобиль, и в которой впервые услышал Петька странные и красивые слова о свободе, о борьбе и о том чему теперь он отдал всего себя: партии.

Здесь и началось. Вначале когда в каморку Лядова собирались по вечерам какие-то люди, Петьку отсылали:

— Пойди-ка посиди на кухне немного.

Потом отсылать перестали, потом дали какое-то пустяковое поручение, потом еще и еще, и наконец маленький Петька стал товарищем Петром членом РСДРП и самым ярым непримиримым большевиком.

Самое тяжелое пожалуй это годы военной службы. Досрочный призыв по случаю того, что немцы намяли русской армии шею в Карпатах, и вот товарищ Петр рядовой учебной команды, потом унтер-офицер на фронте. Хорошо что не долго, год только. Пришел семнадцатый и разметал старые полки для того, чтобы на их месте новые красные отряды строить волею рабочих и крестьян..

И вот сегодня он сидит в маленькой комнате на пятом этаже большого каменного дома, из окна которой видно море с белеющими тут и там парусами и внимательно выслушивает слова боевого приказа.

— Вы ведь знаете английский язык, товарищ.

— Да, я жил год в Америке.

— Ну так вот мы достали вам прекрасные документы. Вы Джон Хьюг, лейтенант английской службы. До завтрашнего утра у вас есть время изучить их. Едете с секретным поручением в штаб Добрармии. Определенных заданий не даем. Основное: получить максимум сведений, принести максимум вреда, наладить связь с нашими частями. Сегодня вечером займите номер в самой лучшей гостинице. Пароход отходит завтра утром. Все в порядке. Есть виза, пропуск.

Несколько минут в комнате было тихо. Как-то не хотелось сразу разорвать напряженное молчание. Потом лейтенант английской службы Джон Хьюг поднялся и пожал руку человека сидевшего за столом.

— Прощайте товарищ.

— Прощайте... В коридоре осторожно. Не ударьтесь о шкаф.

III.

ПАРОХОД переполнен пассажирами. Даже в столовой первого класса заняты все диваны. Двое генералов поместились в каюте капитана. Помощник залучил к себе двух шансонеток едущих в штаб Добрармии развлекать героев.

Остальные по пять, по шесть жались в маленьких тесных каютах.

Капитан мечется из стороны в сторону бранясь и крича изо всех сил своего простуженного вечными ветрами горла, стараясь втиснуть всех имеющих билеты.

А тут еще этот англичанин. Непременно один. Секретное поручение. И эта удручающая бумажка с иностранной печатью и подписями каких-то знатных сэров.

— Не могу, не могу, надрывается капитан.

— Мой очень важная дел. Мой необходим. Мой ходит жаловаться консул.

— А чорт бы тебя побрал английская образина, что с тобой делать.

— Виноват. Имею честь говорить с капитаном парохода.

— А что...

И вдруг капитан умолкает и застывает с открытым ртом. Рядом с англичанином стоит... тьфу ты чорт. Или от шума и возни в глазах двоится: да ведь это тот же англичанин только в форме русского офицера. Капитан свирепо трет глаза огромными кулаками. Нет не помогает. Два одинаковых человека только в разных костюмах. И тот второй в военном тоже требует отдельной каюты и сует в нос бумаги с подписью самого Гришина-Алмазова.

— Да не могу, господа, не могу...

И вдруг соображает.

— Слушайте вы сэр и вы господин офицер. Оба вы по секретному делу. Я вам дам одну каюту на двоих. Идет?

Офицер и англичанин взглядывают друг на друга и удивленно ширят глаза.

— Извините, сэр... сэр...

— Джон Хьюг сэр.

— Сэр Джон Хьюг. Я поражен... я...

— Странна... очень .. мой... тоже... как две куска воды.

— Да, да, как две капли воды Вот именно.

Капитан облегченно улыбается.

— Ну вот. Сам бог велел вместе. Двойники. Первый раз в жизни такое сходство я вижу.

Офицер и англичанин согласны.

IV.

АНГЛИЧАНИН говорил мало. Святцев плохо владел английским и поэтому в каюте долгое время царило тоскливое молчание. Но скоро выяснилось, что если сэр Джон говорит плохо, то понимает русский язык прилично и Святцев к числу достоинств которого не принадлежало уменье молчать принялся хвастаться перед Хьюгом своей блестящей карьерой.

Его молчаливый собеседник слушал внимательно, попыхивая трубкой и только иногда в серых глазах вспыхивал огонек глубокого презрения, которого впрочем за дымом крепкого трубочного табака—Capstan Noug (ut молодой офицер не мог заметить.

Через пару часов Джон Хью знал все о капитане Святцеве. Знал, где он родился, как жил, что делал, знал его боевые заслуги, знал что он едет с важным поручением, что там на Кавказе у него нет ни одного з акомого однополчанина и что только благодаря хорошим рекомендациям одесского командования да личному мужеству он надеется занять ответственную командную должность.

Все это узнал англичанин во время длинного рассказа, в который он изредка вставлял свое отрывистое:

— Иес.

За рассказами Святцева незаметно подошел вечер, а скоро и ночь легла мягким и теплым телом своим на серую грудь моря.

Иллюминаторы вспыхнули кругами огней.

Сильный пароход, слегка покачиваясь рассекал волны.

Все спали.

V.

ЧАСА в три ночи одиноко прозвучал револьверный выстрел.

Кто-то вскочил. Кто-то дико закричал со сна. Засуетились, забегали люди! Раздвигая толпу взволнованных пассажиров, показался капитан, направляясь к каюте, в раскрытой двери, которой стоял человек в нижнем белье держа в руках дымящийся еще наган.

— Что случилось. Вы... капитан замялся. Он не знал, кто стоит п ред ним англичанин или тот другой—офицер.

— Ничего особенного. Этот англичанин ночью залез в мой карман, и хотел вытащить оттуда бумаги. Я застрелил его.

Голос Святцева звучал спокойно, чуть-чуть насмешливо и большие серые глаза с нескрываемым презрением смотрели на сбившихся в кучу испуганных людей.

Несколько минут капитан стоял растерянно не зная, что делать. Потом подумав сказал:

— Я вынужден вас арестовать, господин офицер. Попрошу в мою каюту.

— Пожалуйста, только я надеюсь вы разрешите мне одеться.

Через пять минут капитан Святцев, позванивая шпорами, вошел в каюту капитана и там вручил свой наган и свою шашку удивленно смотревшим на него генералам.

А еще через пару минут влетел взволнованный, как рак красный, капитан и бросился прямо к Святцеву.

— Ну поздравляю вас. Вы молодец. Можете освободить его господа генералы. Этот англичанин... Одним словом вот.

Он развернул на столе маленький кусочек холста и генералы испуганно пригнулись, следя за страшными словами.

... партбилет... №... (большевиков)... Петр Сергеевич Волин...

Тело Джона Хьюга — он же большевик Волин—без всяких церемоний бросили в море, а капитан Святцев выслушивал генеральские поздравления, подкрепляемые рюмками настоящей николаевской водки.

... стоял человек в нижнем белье...

VI.

БУМАГИ, которые капитан Святцев привез от его превосходительства генерала Гришина - Алмазова, его превосходительству генералу Деникину были содержания крайне неприятного. В них сообщалось, что одесская группа помощи оказать не может, с врагом бороться бессильна, так как пьянство совершенно разложило командный состав, а что касается нижних чинов, то зловредная агитация и т. д.

К этому прилагалось письмо, в котором генерал писал, что податель сего капитан Святцев, счастливое исключение из общей массы и что он генерал горячо рекомендует капитана на ответственную командную должность.

Деникин знал уже о происшествии на пароходе, навел соответствующие справки, и получил ответ, что никто никому, никогда никакого Джона Хьюга не посылал, и что этот Хьюг как и показывают найденные при нем документы несомненно был большевистским агентом.

Таким образом Святцев сразу попал в герои, и расчувствовавшийся кандидат в монархи предложил ему самому выбрать дело по-душе.

Капитан вежливо уклонялся, ссылаясь на незнание местных условий, генерал настаивал, и наконец к общему удовольствию, решено было, что Святцев займется формированием ударной роты на одном из самых ответственных участков фронта.

— Я на вас полагаюсь. Уверен, что в решительную минуту ваша рота окажется достойной своего командира.

— Рад стараться ваше превосходительство.

— Ну с богом, перекрестил его генерал.

VII.

ХОТЯ у вновь формирующейся роты и был как полагается номер, но на всем фронте ее называли не иначе как, „рота капитана Святцева".

Формирование ее шло совсем необычным для Добрармии порядком. Прежде всего ни одного офицера. Даже на взводах стояли унтера и ефрейторы. Вначале это вызвало недовольство, но Святцев ездил лично в ставку командующего, и там об'яснил, что учитывая опыт Одессы, где част формировались почти исключительно из офицерских чинов, он не хочет применять этого метода здесь. И кроме того он головой ручается за свою роту.

Первый же смотр вновь сформированной роты заставил замолчать все злые языки.

Вряд ли была еще одна часть, могущая сравнится с «ротой капитана Святцева». Дивизионный таял от восторга, когда четким шагом прошли перед ним ряды бравых хорошо одетых солдат. Ни один штык не выпадал из общей линии. Ни одна грудь не заваливала и не выпирала.

Даже труднейшее прохождение развернутым строем „на руку" было проделано так, что комар носу не подточит. И это несмотря на то, что...

Впрочем дивизионный не очень-то верил этому... Но говорили упорно, говор ли, что капитан никогда не бьет своих солдат и даже говорит им—вы.

Правда, насчет последнего никто не мог сказать ничего определенного. На параде сам дивизионный слышал „ты" сопровождаемое самой отборной матерщиной, а на счет первого... да в конце-концов в чем дело. Рота образцовая и от командующего есть секретное приказание:

Оставить капитана Святцева в покое и предоставить ему делать то, что он найдет нужным. Роту беречь. В бой не пускать до моего личного распоряжения. Снабжать в первую голову.

И в то время, как вся армия ползла и трещала, как гнилое сукно, в то время как пьянство и разврат подтачивали офицерские полки, в это время рота капитана Святцева крепла и росла в большую мощную боевую единицу.

По размерам она уже давно вышла из рамок роты и в штабах поговаривали о Святцеве как командире батальона, но он прямо заявил, что не желает иметь дело с офицерским штатом батальона, что господа офицеры ему часть испортят и так как факты говорили в пользу его слов, а положение заставляло дорожить ротой и ее командиром, то все оставалось постарому.

Сам Святцев не раз просился в дело.

— Молодцев своих показать.

Но всегда в ответ слышал:

— Вы наша надежда. Ждите трудной минуты.

VIII.

К СЧАСТЬЮ Святцева, к счастью, если бы он не был офицером Добрармии, эта трудная минута приближалась с каждым днем.

Красные наступали, развивая безумную скорость, а когда конница Буденного попробовала в двух трех местах крепость белого фронта, то ясно стало, что дни защитников „Единой Неделимой" сочтены.

Все более и более растерянным становился тон приказов, все более и более безнадежными выглядели сводки боевых операций.

И однажды, когда удар красных был особенно сокрушителен и отступление особенно серьезным, из ставки пришел приказ:

— Бросить в бой роту капитана Святцева.

Святцев так обрадовался, когда узнал о приказе, что дивизионный едва удержал его от преждевременного выступления. Чудак хотел вытти днем и когда ему приказали ждать вечера, долго ворчал, что-то, об излишней трусости штабов.

Наконец пошли. Кутаясь в холодные шинели (полушубков, как не старался Святцев выдать не успели), скользя по обледеневшей дороге и с трудом держа винтовки коченеющими руками.

Но все-таки, на то это и была рота капитана Святцева, пришли во-время за полчаса до смены и расположились в штабе полка, стараясь согреться в борьбе и пляске так как костров за близостью врага в эту ночь нельзя было развести.

IX.

КОГДА Святцев вошел в помещение штаба полка, какой-то человек в солдатской шинели кинулся ему навстречу:

— Николай. Славу богу. Ты спасешь меня. Вот счастье.

Святцев на минуту остановился, посмотрел потом спокойно отодвинул от себя незнакомца и подошел к столу за которым сидели рассматривая какие-то бумаги, офицеры:

— Что он от меня хочет?

Ад'ютант об'яснил. Человек, назвавший Святцева Николаем, за час до этого перебежал со стороны красных. Он сообщил намерения врага насчет дальнейших операций и называет себя бывшем офицером 10 Сибирского стрелкового полка. В папахе его были зашиты документы на имя поручика Смирнова.

— Николай ты подтвердишь это. Они не верят мне. Они думают, что я сообщаю им ложные сведения. Они хотят расстрелять меня, Николай.

Святцев спокойно взглянул в лицо перебежчика.

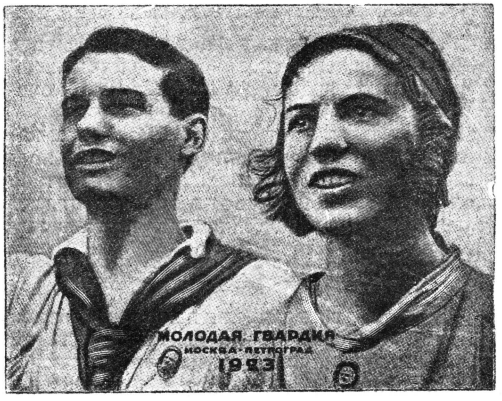
— Кто вы.

— Боже мой, Николай. Я Смирнов. Поручик Смирнов. Разве ты не узнаешь меня, Николай.

Несколько минут в комнате царило напряженное молчание. Перебежчик с выражением просьбы смотрел на Святцева, от которого зависела его жизнь. Но Святцев искривив свои красивые губы гримасой глубокого презрения спокойно сказал:

ИЗ-ВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
ПРИ Ц.К.Р.К.С.М.

ЛЕНИН



и КОМСОМОЛЬЦЫ

С заказами обращаться в торсектор издательства

Москва, Старая пл., д. 10/4, тел. 1-81-01.

— Да я, Святцев. Да, зовут меня Николай. Да, я служил в 10 Сибирском полку. Но этого человека я не знаю, никогда его не видел и где он встречал меня не понимаю. В полку у нас был поручик Смирнов. Но это не он.

— Николай, Нико...

Святцев четко повернулся на каблуках и вышел в морозную темь ночи.

Поручика Смирнова расстреляли у старого овина.

X.

СМЕНЯТЬСЯ не пришлось.

За десять минут до срока смены прибежал солдат из связи и сообщил, что красные неожиданно перешли в наступление и прорвали фронт.

Известие моментально передали в дивизию и оттуда получили короткий приказ.

— Бросьте роту капитана Святцева. Всем оставаться на месте.

И сейчас же твердым шагом, как на парад, пошли молодцы ударной роты спасать положение.

. . . . . .

Командир дивизии не отходил от телефона, каждые пять минут слушая донесения из штаба полка.

Он отрывисто сообщал новости окружавшим его офицерам.

— Фронт прорван.

— Конница Буденного брошена в прорыв.

— Рота капитана Святцева вышла.

И всем показалось, что они слышат четкий шаг образцовой роты, видят стройную фигуру капитана, отдающего уверенным голосом команду:

— Справа по линии в цепь! Бегом марш!

Стало легче свободно. Адъютант улыбнулся.

— Пропала Буденовская конница!

Дальше шло все как по маслу. Стрельба противника вдруг прекратилась. Конница остановилась, не ударив на роту. Святцев спокойно занял свою позицию. Противник молчит...

Святцев просит разрешения пойти в аттаку.

Разрешить.

Рота капитана Святцева пошла в аттаку.

Подтянуть резервы.

Рота капитана Святцева... Дивизионный вдруг вскочил и бросил трубку аппарата.

В напряженной тишине звук от падения трубки прозвучал как взрыв бомбы.

Из штаба полка сообщали.

Рота капитана Святцева окружила штаб, захватила обозы и артиллерию и перешла на сторону красных. Мы отстреливаемся.

XI.

В ЭТОТ ЖЕ день от фронта занятого красными войсками в штаб дивизии летел верховой.

За пазухой его шинели был секретный пакет на имя военкомдива, а в пакете рапорт следующего содержания:

Доношу, что в пять часов утра рота противника выкинув белый флаг и захватив обозы и артиллерию своего полка в полном составе перешла на нашу сторону Командир роты капитан Святцев называет себя членом одесской организации РКП Петром Сергеевичем Волиным. Никаких документов подтверждающих это заявление при нем не имеется. Жду ваших распоряжений.

Военком N-ского Кавполка

Архангельский.

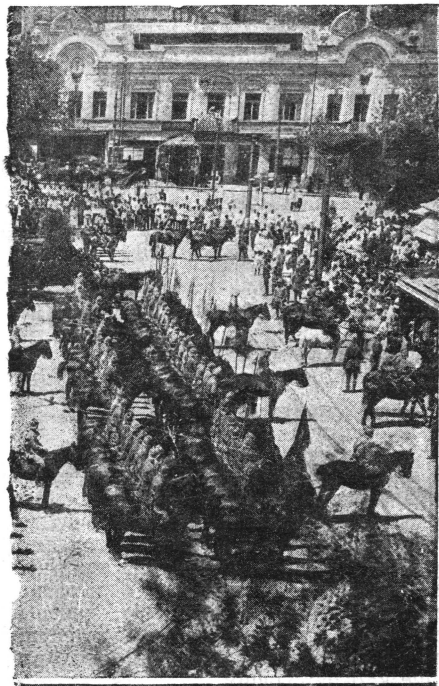
КИНО-ЭКРАН

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА

Кино-роман приключений в 2-х сер. 10 частях. Постановка режиссера Перестиани, производство Госкинпрома Грузии.

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

Павел Есиповский — Мишка Следопыт; Софья Жозери — Дуняша — Овод и негр Кадор Бен-Салим — Том Джаксон.



МИСКА БУЛЬОНА.

Честер Сексби.

Иллюстрации **Вилли Корнер.**

В мрачной истории Меланезии (см. Тихий океан), истории покорения черных белыми, очень интересен этот рассказ об одном покорителе и о покоренных.

АУРУ—атолл, лежащий дюжиной градусов южнее экватора в полосе муссонов. Архипелаг этот состоит из восьми островов; от внешнего рифа на востоке, до внешнего рифа на западе расстояние в сорок три мили. Ветры бессильны разрушить красоту этих низколежащих островов; им опасны одни только ураганы. Величественные кокосовые пальмы покачиваются, навевая прохладу на тысячелетнее спокойствие чистых песков атолла.

Пока ему не исполнилось сорок восемь лет—другими словами двадцать один год и пять месяцев—Рендалль управлял атоллом с большой кротостью. Под его управлением находилось около двух тысяч жителей. Их разум был разумом детей, и кожа их была темнее ночи. Он охранял их и пекся о них с трогательной заботливостью; в сношениях с корыстолюбивыми скупщиками он защищах их интересы не хуже любого адвоката. Он явился сюда молодым человеком двадцати семи лет; приехал он на маленькой шхуне, намереваясь купить здесь запас копры. Если у него и были когда-нибудь кой-какие возвышенные стремления, то жизнь на родине успела их уничтожить; да он и не особенно крепко держался за них. Мальчиком он отличался сварливым характером, и превратившись в юношу, не стал лучше. И он и общество взаимно презирали друг друга; кончилось тем, что он сел на пакетбот и покинул берега негостеприимной родины. Жизнь на хлебе и на воде и воздух Южного океана улучшили его пищеварение; улучшили они и его отношение к окружающим.

Когда он заканчивал рейс, шхуна, на которой он ездил за копрой, прошла через фарватер в рифе, его жесткий взгляд с удовольствием остановился на окружающем; он решил остаться здесь. Туземцы отнеслись к его намерению скептически и в течение года с недоверием следили за его поведением. К этому времени его характер изменился окончательно; застаревшая кора сошла с него, и проявились качества, которых никто не подозревал в нем. Он жил среди туземцев спокойно и безмятежно. Он не добивался почета—они сами избрали его своим вождем. Многого они не понимали, но зато великолепно знали культуру кокосовых пальм, рыбную ловлю, ловлю жемчуга и, конечно, не Рендалль мог их

чему-нибудь научить в этих областях. Он стал главным судьей, врачем, вождем островитян. В глазах наивных туземцев он был даже каким-то божеством.

Конечно, столь же странно, каким образом туземцы могли избрать в вожди одного из своих угнетателей, как и то, как отверженец общества Рендалль мог приобрести всеобщую любовь, уважение и почет, но это так. Туземцы изучили его характер, он—их нужды. В основе их взаимоотношений лежал принцип: „Я верю, что ты—честный и порядочный человек. Я верю, что ты мне друг".

Атолл Ауру начал процветать. Он научил их огородничеству и садоводству, это в 3 раза увеличило продовольственные рессурсы архипелага. Он начал разводить кур, свиней и коз на самом маленьком, лежащем под ветром, острове. Под его влиянием начали строить мостики на ручьях, расчищать кустарник, чтобы лишить убежища носителей малярии—насекомых, вывозить мусор, прорубать окна в стенах хижин. Все это вошло в обиход туземцев.

Рендалль оказался прирожденным правителем. Власть его была неограничена; он имел право казнить и миловать. Он сурово наказывал за воровство, при чем не делал различия между туземцами и приезжими торговцами. Ему нечего было бояться пиратских набегов, ибо он сформировал отряд полиции, вооруженной винтовками, при случае умевшей метко стрелять. Во время меновой торговли он всегда сидел в определенном месте рынка, держал в руках указатель цен и не позволял обманывать туземцев. На десятый год его правления в лагуну в'ехал бриг. Капитан его завербовал двадцать пять юношей в рабство на плантации. Еще одиннадцать лет спустя этот бриг, в качестве предостережения для пришельцев стоял на якоре в бухте. Вербовщики успели напоить молодых туземцев и затащить их к себе на судно, когда об этом услышали полицейские Рендалля. Немедленно собрались сто туземных воинов, и под командой начальника-туземца повзводно выстроились и промаршировали к берегу. Когда шкипер выбежал на палубу, ничего нельзя было уже поделать. С трех сторон главные силы туземцев угрожали команде ружейным огнем, в то время как остальные взбирались на палубу брига. Капитан, первый штурман и человек пять команды удрали на баркасе, не успев захватить ни провианта, ни компаса, а восемь остальных были повешены на реях. Что касается похищенных юношей, то их присудили к месяцу принудительных работ за бродяжничество. Рендалль, которому начальник туземных воинов сообщил о происшедшем, когда все было кончено, был так расстроен, что заперся в своей хижине на целую неделю. Но когда явился другой корабль с целью усмирения туземцев, он вышел к пришельцам навстречу, ведя за собой своих воинов. Он велел им забрать бриг и удалиться из вод Ауру. Когда пришельцы заколебались, он отдал приказ, чернокожий, украшенный золотым галуном, прорычал слова команды, первая шеренга опустилась на колени, вторая шеренга стоя взяла ружья на изготовку—и усмирители убрались по добру, по здорову, забыв про бриг.

Вначале Рендалль требовал соблюдения этикета и престижа власти. Но потом, когда начали брать в нем верх хорошие качества, ему перестали нравиться пышность и церемонии. Он предпочитал держать себя с туземцами по-дружески, вести непринужденные беседы о ловле рыбы и даже учиться у них искусству приготовления напитка из кокосовых орехов. Вождю не подобает болтать с подданными и приготовлять напиток самому, и так Рендалль забывал на время, что он вождь. Его сдержанность мешала туземцам переходить определенные границы и устраняла нежелательные последствия, притом в это время они научились любить его, как человека, а не только как вождя, и были ему бесконечно благодарны, радовались его присутствию, были озабочены его здоровьем.

Остров Ауру благоденствовал. Жизнь мирно текла на восьми островах и небольших скалах, разбросанных по лагуне на протяжении 43 милль с запада на восток и 59 миль с севера на юг. В душах и умах жителей Ауру царил мир. В их среде столкновения и ссоры стали редким явлением; с внешним миром установились превосходные отношения, не наблюдалось ни голода, ни повальных болезней.

Однако иные люди не приспособлены к к мирной жизни. Заставьте их долго жить в мирной обстановке—у них в конце-концов испортится характер.

Когда прошел 21 год такой спокойной и безмятежной жизни, Пэлин Реналль почувствовал беспокойство и жажду перемены. Ему тогда было уже около пятидесяти. В его руке покоилась судьба больше двух тысяч человеческих существ, но недовольство начало прокрадываться в его душу; ему захотелось вернуться на родину, побыть среди своих. Как только в нем возникло это желание, оно начало постепенно овладевать им, пока не сделалось совер-

шенно непреодолимым. Он все время думал об этом. В сущности, говорил он себе, я отбыл здесь ссылку, к какой присуждают за убийство со смягчающими обстоятельствами. Лучшие годы жизни прошли даром. Скуластые лица приветливо улыбавшихся ему туземцев действовали теперь на него, как оскорбление. Он был отрезан от жизни; непроходимая стена отделяла его от некогда родного ему мира.

Но чтоб вернуться домой, ему нужны деньги. Двадцать один год тому назад он уехал бедняком, но вернуться должен богачом. Он мог заставить забыть о прошлом, лишь явившись на родину с большим состоянием—иначе его не примут в свою среду. А у него не было денег—ни гроша, потому, что все это время он жил, не нуждаясь в деньгах и забыл про их существование. Он был судьей, правителем, инженером, начальником порта и не получал никакого жалованья. В конце-концов все они ничего не стоят.

Рендалль был человек гордый и ни за что не стал бы обращаться к ним за деньгами. Да и вообще ему нужны были не деньги на проезд или тысяча долларов наградных. Человек, который возвращается к себе на родину после двадцатилетнего отсутствия должен вернуться с кругленьким капиталом, не то его встретят с таким же презрением, с каким он начинает относиться к жителям Ауру. Мысль о деньгах пробудила в нем горькие воспоминания, которые давно перестали его мучить.

С каждым часом его переживания делались все болезненнее. Когда явились торговцы копрой, ему показалось, что они смотрят на него со скрытой насмешкой, и он взвинтил цену до последней возможности, а сам сказал своим доверителям, что цена на копру упала.

Он спрятал в своей хижине шестьсот долларов звонкой монетой и сознание того, что он сделал, еще более озлобило его.

Через месяц начался сезон ловли жемчуга. Целую неделю он был занят подсчетом и оценкой жемчуга. Туземцы доверяли ему безгранично и он распоряжался плодами их трудов. Он продавал жемчуг и обменивал его на нужные им товары и табак. Жители атолла сами ныряли за жемчугом и продавали через его посредство весь улов. Таким образом прибыль оставалась в их руках. Кроме того, Рендалль указывал им, когда следует воздержаться от ловли, чтоб не истребить совершенно молюсков, поэтому до сих пор дело шло хорошо. Перламутр тоже не плохо шел.

Рендалль принялся удерживать комиссионные. Он думал теперь, что он имеет на это право. Раньше это не шло бы ему в голову. В конце недели пять процентов комиссионных составили сто двадцать долларов. Это ему не понравилось, а потому на вторую неделю он стал удерживать десять процентов, но получил всего сто девяносто долларов. Тогда ему стало невыносимо жутко. Если дело пойдет таким ходом, он накопит нужную сумму только через годы. Чем больше он об этом думал, тем сильнее раз'едало его сердце сознание несправедливости и обиды. Он — вождь и доверенное лицо; если бы не он, этот ленивый и тупоголовый народ обнищал бы и отдал бы последнее за скверный виски, за медную проволоку, за дешевые винтовки, которые взрываются и убивают доверчивых дикарей. Благодаря ему у них есть виды на будущее, им не угрожают болезни и преждевременная смерть. Они стали несколько умнее, их экономическое положение улучшилось; если бы он обложил общину в свою пользу за все эти услуги, ему следовало бы получить с них не меньше пяти есяти тысяч долларов, то есть по двадцать пять долларов с человека. Едва ли где-нибудь на свете платят такие низкие налоги, рассуждал он.

Кроме того, он считал, что в его пользу говорит разница между ним и туземцами. У них нет ни малейшего желания уехать в страны, где надо обладать деньгами, чтобы иметь возможность жить. То, чего он лишит их сейчас, они наверстают через год, два, или в крайнем случае, через три. Что для них значит время? Ведь они спят большую часть дня! Он ведь хочет взыскать с них только то, что следует с них за прошлое; ему нужно добыть деньги, пока еще есть время, пока он еще не слишком стар. Он приехал сюда, чтобы жить, а не для того, чтобы умереть здесь. С ужасом в душе понял он теперь, что даже не начинал еще жить. Надо спешить, надо действовать, не считаясь ни с чем. Он был глупцом.

На третью неделю он стал удерживать двадцать пять процентов с выручennых за жемчуг денег, но выколотил всего лишь триста четыре доллара. Ясно было, что или в лагуне начал иссякать жемчуг, или же пловцы не работают, а прохлаждаются. В очень раздраженном состоянии отправился он сам наблюдать за ходом работы.

В бухте острова Луанго резвились детски-беззоботные туземцы. Воздух дрожал от безудержной болтовни мужчин и женщин. В лодках и на плотах лежали обнаженные, блестящие пловцы и перебрасывались бес-

хитростными шутками, приготовляясь нырнуть за новой добычей. Многие лежали и отдыхали или подкрепляли свои силы пищей, которую им приносили их жены. В атолле Ауру не знали различия между трудом и забавой.

При появлении Рендалля раздались оглушительные приветственные возгласы, на которые тот не соблаговолил ответить. Туземцы притихли при виде его нахмуренного чела; он показался им особенно величественным. С присущей европейцам суровой резкостью, он стал руководить работой. Он переходил с места на место и понуждал пловцов к большему прилежанию. Это походило на игру. Они, точно лягушки, спрыгивали с каменьев и в один момент исчезали под водой. Потом снова появлялись на поверхность, весело потрясая своими корзинами, с которых ручьями стекала вода. Болтовня не прекращалась ни на минуту.

К полудню смех стал звучать реже; морщины на лице Рендалля стали заметнее. Жемчуг становился все малочисленнее и хуже качеством; игра надоела и утомила их. Следующий день они работали с большим усердием; веселья было меньше, но зато улов был удачнее. Однако усталость начала уже сказываться; даже этим опытным и искусным пловцам казалось тяжело беспрестанно нырять на глубину десяти саженей. Но Рендалль почему-то был очень настойчив и требователен, и они сами не понимали, почему им приходится трудиться свыше сил. К концу дня с полдюжины туземцев были близки к смерти от переутомления. Один утонул.

Тогда Рендалль обратился к ним с речью. Он сказал им, что никогда не требовал от них больше, чем они могли сделать; если же они не могут ловить жемчуг, то они не лучше детей или трусов. Он, Рендалль, не любит трусов и не согласен жить с ними. Есть другие страны, где люди смелее, и он, продолжал он свою речь, оставался здесь долго, слишком долго. Он добавил еще несколько фраз в том же роде, все время качая головой.

Следующий день был днем лихорадочной работы. Смеха и пения почти не было слышно; только вынырнувший из воды пловец издавал дикие крики радости, дабы обратить на себя внимание Рендалля, опорожнял свою корзину и снова исчезал под водой. Но случалось и так, что иным пытавшимся крикнуть пловцам не хватало дыхания—и они исчезали и не появлялись более. Оставшиеся оплакивали эти жертвы, как оплакивали бы погибших на поле битвы героев—но рвение их не ослабевало.

Если среди них и имеются малодушные, это еще не доказывает, что Ауру не ценит своего вождя. Рендалль побрел в свою хижину и сделал несколько долгих глотков из бутылки с виски, дабы убедить себя в том, что он не становится столь же малодушным, как его подданные. Самоубийства он не требовал, оно удручало его.

Не следует забывать однако, что чувствительность является главным образом продуктом цивилизации; она прививается к нам воспитанием подобно всяким другим предрассудкам. Обитателям Ауру не приходилось подражать спартанцам, чтобы сдержать проявление своего горя — дней через десять трагическое впечатление, произведенное этими смертями совершенно испарилось у него из памяти. А ведь Рендалль двадцать один год прожил в обществе этих туземцев. Смерть производила на него более яркое впечатление – и только; он научился быть фаталистом. Да он бы и не остался в атолле, если бы не был таковым. Он ушел сюда, а они ушли отсюда; вот и все. Не стоило приходить из-за этого в отчаяние. На островах Южного Океана человеческая жизнь оценивается очень недорого.

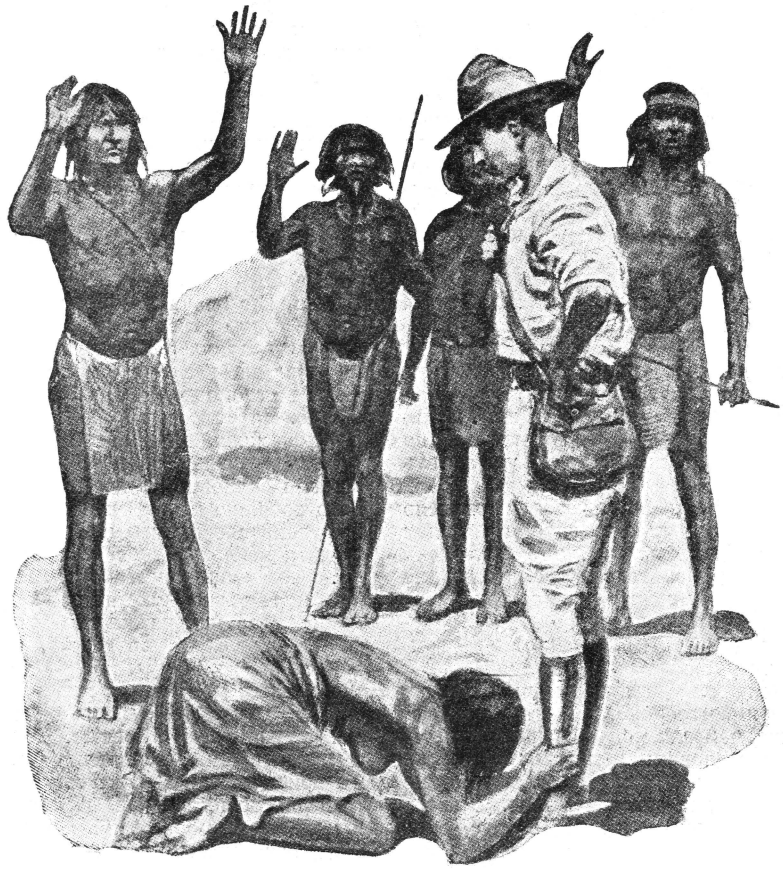
Гораздо важнее было то, что жемчужных раковин становилось все меньше. Все, что было собрано, дало Рендаллю не более тысячи долларов прибыли. При этом он сам отчасти испортил себе дело, отчаянно торгуясь со скупщиками. Обозленные они клялись, что больше никогда не вернутся сюда. В ярости он предложил им отправляться, куда глаза глядят. Возможно, что они последовали его совету, ибо в атолле Ауру их более не видали.

У него было две тысячи долларов, когда он выступил с новой речью. Это произошло на острове Ми. Явившись туда, он заявил его обитателелям, что они ничего не сделали для общего блага, и что с него довольно пустых обещаний. На улов жемчуга надеяться нечего; им придется снова приняться за ловлю и сушку беш де мер. Пусть по крайней мере жители острова Ми не отстают от других. С подобной же речью он обратился к жителям других островов.

Они отозвались с необычайным одушевлением. Никогда еще не видали они его таким возбужденным, полным величия, силы и авторитета. Он казался им истинным военным вождем. Они вскакивали, кричали, орали, сами не зная, почему беснуются. Потом принимались плясать. Затем принимались работать. Разве вождь не дал приказа.

Перламутр удалось продать после того, как двое шкиперов отказались взять его

по предложенной цене. Покупатель выложил деньги, презрительно прищурил глаза и уехал. Он тоже больше здесь не появлялся. Но прибывали другие, казалось, что они издали чуют запах сушащейся на солнце беш де мер. Они набивали цену, и прибыль, страдал отчаянной бессонницей, головными болями. Он возненавидел самого себя за то, что сентиментальничал с этими бездельниками и с сожалением вспоминал о том, что было потрачено на разведение кур, свиней и коз. Он все время думал о богатствах



Они отозвались с необычайным одушевлением.

естественно пошла в карманы доверенного лица. Там были экземпляры совершенно редкие. Рендалль расхваливал товар, указывал, что они длиной в целый фут. Но когда дно лагуны было совершенно очищено, он подсчитал свою выручку и лицо его приняло жесткое выражение.

Оставались еще кокосовые орехи, но он знал, что на всем атолле их заготовлено под копру всего на десять тысяч долларов. Со времени разочарования с жемчугом он общины и о том, как завладеть ими, все время строил новые планы коммерческих операций и обогащения.

Он созвал народное собрание. Это был исторический день. Оно не созывалось уже тринадцать лет; в нем не было никакой нужды. Народ относился с безграничным доверием к исполнительной власти и все более проникаясь социалистическим духом, потерял всякий вкус к пустой болтовне. Не смущаемые ни малейшим сомнением,

они явились теперь на совет, ухмыляясь расселись вокруг, гордясь оказанной им честью. Тут были старшины, жрецы, мудрые столетние старцы. Начались речи; все, что говорилось, сводилось к тому, что Ауру счастлив под властью белого вождя, пусть он правит ими, пусть дает приказания, пусть указывает, что им делать—все будет исполнено. Он ответил им, что и не ожидал иного отношения к своим словам.

Он сказал им, что народ разжирел от кокосовых орехов и от кокосового молока; что пока они будут обжираться кокосовыми орехами, им нечего надеяться стать великим могущественным народом; но если они вскормят молоком коз и свиней и продадут весь урожай орехов в виде копры, то можно будет привезти из-за моря пищу, которая сделала белых людей могущественными

Глаза всех участников торжественного собрания обратились к верхушкам деревьев; на лицах их было написано изумление. Покачивая головами, они старались вспомнить, что он говорил об этом в прежние времена, тем не менее ему было единогласно выражено доверие; судьба кокосового урожая была решена. Рендалль ожидал вспышки сомнений при обнародовании старшинами этого решения. Но так как не последовало ничего, кроме любопытных распросов, какую пищу обещал достать вождь, он совершенно успокоился.

Весело болтая, напевая и перекликаясь друг с другом с верхушки деревьев принялись они за дело. Целый день валились с деревьев орехи. Вся земля была завалена ими. По всем восьми островам раздавался звон ножей. Стояли густые облака дыма от костров, на которых орехи пережигались в копру. Ауру весь дрожал от возбуждения. Когда все было кончено, туземцы уселись на корточки и стали ждать прибытия торговых судов. Рендалль бегал взад и вперед по своей хижине. Возле него лежали заряженные револьверы; он был охвачен непонятным страхом. Вместе с тем он строил пышные планы на будущее, если приедут торговцы.

Ему рисовалось, как он приедет в родной город, некогда отвергнувший его, приедет, как победитель, как великий путешественник. Теперь он унизит всех тех, кто прежде над ним смеялся.

Эти мысли сильно взволновали его; он запер двери и начал считать свои деньги. В этот момент на глаза ему попались общественные деньги, принадлежавшие народу Ауро. Он их пересчитал и смешал обе суммы. С этого дня он стал считать эти деньги своими.

Торговцы не появлялись. Народ пока питался рыбой. Рендалль, проклиная судьбу, вспомнил о бриге, стоявшем в лагуне. У него блеснула новая надежда. Почему бы не нагрузить судно копрой, с'экономив на фрахте, и не продать за-одно и бриг и копру.

Глаза чернокожих заблистали, когда он изложил им этот план, когда он выразил сомнение в их мореходных способностях, они запели военные гимны и били себя в грудь. Пусть только прикажет, они все исполнят.

Починка брига происходила в совершенно невиданных условиях; за отсутствием сухого дока, туземцы работали в воде; окунувшись с головой, они скребли бока и киль судна. Они работали сверх сил, на острове не было уже кокосового молока, не было вообще пищи, которая могла бы придать им сил. Тем не менее увлечение этим новым предприятием не остывало.

Те, чьи легкие еще выдерживали это испытание, приветствовали доброго вождя смехом и пением, вождя, чей смелый замысел должен спасти их.

Другие работали на палубе, забивая дыры, карабкаясь на мачты, приводя в порядок паруса и ставя новые снасти. Через месяц бриг был приведен в порядок, компас помещен в нактоуз, вместо старого названия было намалевано новое. Судно трудно было опознать.

В это время вспыхнула эпидемия. Сначала заболели мужчины, ибо им пришлось делать тяжелую работу при недостаточном питании, но болезнь быстро охватила и женщин. Тело покрывалось язвами, появились цынготные симптомы. Свирепствовала дезинтерия. Многие туземцы отравились незрелыми орехами и нес'едобными ягодами. Многие подкрадывались к складам копры, надеясь отколупнуть с'едобный кусочек.

Рендалль отлично понимал, почему не являются торговцы, и ничуть не сожалея о том, что он прогнал их своим нелепым корыстолюбием, он осыпал их проклятиями.

Его подданные глядели на него покорным взором, покорно болели и умирали под звуки протяжных, монотонных напевов колдунов. Они были уверены, что он найдет выход из положения. Старики вспоминали, что он всегда умел притти на помощь народу. Они жертвовали ради него последним; приносили ему последние яйца из под кур и жидкое козье молоко. Но Рендалля спасала от лихорадки виски; она же избавляла его от угрызений совести.

В день от'езда всех охватило печальное настроение. Туземцы боялись остаться одни без Рендалля. Но они подавили в себе

отчаяние, чтобы устроить вождю торжественные проводы. Вместе с ним уезжало, в качестве экипажа брига, шестнадцать лучших людей. Все остальные собрались отовсюду и заполнили берег бухты. Они поднимали слабые руки, падавшие бессильно вниз. Но в последний момент раздались возгласы, исполненные надежды.

Рендалль собственноручно снес свой сундук на палубу брига и запер его в каюте. В нем лежало золотом и банкнотами, пятьдесят четыре тысячи долларов. Когда он опускал ключ в карман, его рука задрожала. Он отер пот со лба и отдал приказ к отплытию. Все эти черные лица показались ему внезапно противными до тошноты. Вновь охватила его скорбь о потерянных годах. Он почувствовал острую ненависть к этим дикарям.

Когда заскрипели якорные цепи, надулись паруса, и бриг начал проходить через риф в открытое море, Рендалль не мог больше удержаться. Точно злодей нелепой мелодрамы, он замахал кулаками и заорал в приливе бессмысленной ярости. Команда, работавшая на носу, не расслышала как следует его криков.

Пройдя риф, тяжело нагруженный бриг неуклюже закачался на волнах. Реи и мачты трещали и гнулись под напором ветра. Попутный ветер гнал ее все-таки вперед.

Неприятности начались с того момента, когда переменилось направление ветра. Рендалль мог бы еще справиться с ровным муссоном, но налетевший шторм был для него слишком силен. Закрутился вихрь, небо потемнело, и Рендаллю было трудно ориентироваться; при том вместо хронометра у него были налицо лишь обыкновенные карманные часы. Магнитная стрелка компаса вертелась, как сумасшедшая, так что туземец рулевой едва успевал следить за ее движениями. А как только шторм немного усилился, паруса, точно бумажные сорвались с рей, изорвались в клочья и понеслись по ветру. Вскоре после этого шторм затих.

Беснуясь и ругаясь Рендалль приказал команде сделать временные паруса из их одежды. Всю ночь чернокожие занимались тем, что сшивали одежду и смазывали ее дегтем, для того чтобы придать ей большую крепость, но подул муссон и разорвал все это в клочья. На утро они обнаружили течь и стали ее заделывать, но корабль сидел слишком глубоко; кроме того, открывались все новые пробоины. Бриг вышел из строя.

В этот момент Рендалль действительно походил на „неизбежного белого человека". Револьвер в его руке заставлял команду беспрекословно повиноваться; его беспощадный голос покрывал гудение ветра и шум волн. Он уложил из револьвера обезумевшего от страха рулевого, впрочем он сделал это непреднамеренно. Такие поступки вовсе не обязательны для „неизбежного белого человека".

Бриг начал крениться и зарываться носом, к счастью, всего в четырехстах милях от Ауру; некогда было сбегать вниз за сундуком и провизией. Они еле-еле успели спустить лодки. Одна лодка немедленно пошла ко дну, но все 16 человек кое-как разместились в остальных двух. Рендалль успел захватить компас, часы его шли. Пошли на веслах на Ауру, в раскаленном зное, муссон дул им в лицо.

Они добрались до рифа лишь через пять дней. В каждой лодке четверо гребли, четверо откачивали воду, ибо дно текло. Никто не спал, кроме Рендалля, он спал тяжелым сном, похожим на обморок. Он был не очень привычен к голодовке.

Так они вошли в лагуну — пятнадцать истощенных черных с вздувшимися губами, и лежавший на корме белый, похожий на выжатый лимон. Но эта никчемная тряпка — все еще вождь Ауру, поэтому его заботливо снесли на берег, уложили в его хижине и принялись за ним ухаживать.

Они убеждали друг друга, что белый вождь взял с собой столько денег, намереваясь закупить продовольствие на целых два года; они много говорили о его непреклонном желании спасти их. Но скорее сердцем, чем умом они отлично понимали, что он обманул их, ограбил, что благодаря ему умерли от голода старухи и старики. А голод ведь только начинался.

Но обращение с ним этих чернокожих не изменилось. Да, они перестали любить его и доверять ему, но сила привычки делала свое дело. Разве он не вождь, разве он не правил ими двадцать два года? Они зарезали последнюю курицу, чтобы сварить ему суп.

Он очнулся от забытия и стал жадно принюхиваться к мясному запаху, носившемуся в воздухе. Он позеленел от зависти и злобы. Когда ему принесли миску с дымящимся бульоном, он принялся упрекать их слабым, но пронзительным голосом.

„Ага, я так и знал! Принесли мне водичку, а сами жрете курицу.— Подлые рабы".

Чернокожие убили Рендалля и съели.

Они переносили молча и терпеливо деспотизм „вождя". Но тут он опустился до их уровня, он стал в их глазах простым смертным.

ЭКРАН СПОРТА

ИЗ АРХАНГЕЛЬСКА В МОСКВУ НА ЛЫЖАХ.

1.300 верст в полном военном снаряжении

П. Скалкин.

В пути. Шарж М. Янужинского.

Л. Бархаш.

А. Хитров.

П. Гребенщиков.

Старт в Архангельске.

24 декабря 1923 г.

РАССТРЕЛ СТРЕЛЬБИЦКОГО.

М. Протусевич.

Рассказ из времен оккупации немцами Украины.

ПОЛКОВНИК фон-Готтенберг не поддавался фамильярной развязности. Чувствовалась аристократическая кровь. Неприятную икоту он использовал для колоритных вставок на английском языке. Этот прием был им придуман уже давно и он берег его в тайне не соблазняясь ни на славу, ни на патент.

Давид Маркович, невероятными усилиями пробивая себе дороги в дебрях немецкого языка, к величественному духу полковника неустанно подливал коньяк. Винами дух был уже в достаточной степени брошен.

Полковник фон Готтенберг был видным антисемитом в своем отечестве, а Давид Маркович Тутельман сочувствовал антисемитизму. Собственно, это, главным образом, скрепило дружеские узы, если не считать тех прибылей, которые получали оба от поставок Давида Марковича Тутельмана немецким частям. Впрочем, дела коммерческие не всегда ведут к прибылям, а тем более к дружбе.

Жена Давида Марковича — Фрида Соломоновна, брат—Аркаша и брат жены Павел Исидорович не пили, не ели, не говорили и вообще вели себя примерно в обществе полковника.

Все было бы хорошо, как и бывало раньше. Полковник был бы увезен в комендатуру в омертвелом виде. Давид Маркович потирал бы руки, любуясь подписью полковника на нужных бумагах. Жена бы шептала: „ах, какой он милый, какой он обаятельный“ и засыпала бы в воображаемых об'ятиях полковника, если бы не неожиданный случай.

В то время, как полковник глухим историческим голосом рассказывал о своей первой встрече с кронпринцем, а Давид Маркович, высасывая последние следы дневной работы со своих пальцев, бормотал: что вы, подумайте только,—в комнату вошла высокая блондинка вся одетая в черное. Полковник попробовал встать, но это ему не удалось, а блондинка невесело улыбнувшись, подошла к полковнику и на чистом немецком языке произнесла:

— Господин комендант. Простите мою нескромность—в такой поздний час вас тревожу. Но дело, которое привело меня сюда, не терпит отлагательств. Завтра утром расстреливают моего жениха по одному только подозрению в большевизме. От вас зависит отменить, или хотя бы отсрочить эту казнь. Я надеюсь, что в ближайшие дни мне удастся достать реабилитирующие моего жениха бумаги.

— Ах, это Вашего жениха зовут Стрельбицкий?—спросил полковик.

— Да, Вацлав Стрельбицкий.

— В таком случае Ваше дело безнадежно. На этого негодяя и пули жалко. Понимаете?

— Не совсем.

— Я говорю, что этот негодяй и пули не стоит.

— И вы, полковник, стоите пули?

Фон-Готтенберг опрокинул от неожиданности рюмку коньяку на белоснежную скатерть. Затем расхохотался.

— Да, пожалуй стою.

— Тогда получайте ее—и она, вынув из-за корсажа маленький браунинг, спокойно выстрелила в полковника. Полковник упал, а блондинка выбежала.

Опешившие хозяева пришли в себя только через минуты две и полковник фон-Готтенберг был увезен в комендатуру в почти омертвелом виде.

На следующий день город был об'явлен на осадном положении. Были произведены многочисленные аресты, в том числе и Давида Марковича. Казнь Стрельбицкого была отложена на некоторое время.

В маленьком городке с еврейским населением, где нет бюллетеней, газет и журналов, существует особый вид выявления общественного мнения. Своей молниеносностью, предвидением и забронированностью от власть имущих, он резко отличается от других видов. Где он зарождается, какими путями достигает своей цели—никому неизвестно. Змеей скользнувши по синагоге, пропульсировав на бирже, бьется крыльями о стены банков, о стойки магазинов и даже о полки богаделен. Но самое замечательное свойство этого вида общественного мнения заключается в том, что все многообразие его уже к вечеру приводится путем добавлений, выпадений и изменений к единой и ненарушимой формулировке.

На следующий день к вечеру говорили все и без исключения:

— Она хотела, чтобы казнь была отложена и казнь отложили. Она не хочет, чтобы его расстреляли и его не расстреляют.

— Ух, эти большевики — вы еще не знаете, что это за дети.

Так говорили в синагоге, на бирже, в банках и даже в богадельне.

Когда капитану барону фон-Вассерблюму, заместителю убитого полковника фон-Готтенберга, доложили о том, какое общественное мнение сложилось в вверенном ему городе—у него от злости зашевелились усы.

—Увидим—яростно произнес он—расстреляем ли мы этого бандита или нет.—И капитан назначил казнь на следующий день и приказал оповестить предварительно население, точно указав срок казни.

Нельзя сказать, чтобы жители города X особенно любили наблюдать такие вещи, как труп, рана, кровь. Я бы сказал, что именно этого они не любили, в особенности после последнего погрома, когда добрая треть населения была об'ектом наблюдения и только две трети наблюдали, плотно заколотив окна ставнями и заперев двери на все болты и крюки. Тем не менее в этот раз, несмотря на раниий час, а было только шесть с половиной часов утра, добрых две-три тысячи человек собралось за городом, в поле, где должна была произойти казнь Стрельбицкого. Да и пришли они не столько посмотреть на казнь, сколько убедиться, что „он расстрелян не будет, потому что, если уже большевики взялись за дело, то это просто не пройдет".

Еще солнце не расправило своих лучей, еще синяя мудрость не пролилась по небу—когда вдали показалась процессия и тысячи глаз нащупывали каждый шаг, каждое движение молчаливо едущих и идущих солдат в касках и одинокого молодого человека в двойном окружении. Взвод конницы, полурота солдат, два фаэтона—в одном офицеры, в другом—врач с помощником.

Молодой человек был спокоен и порой даже улыбался. Его вели к старому кладбищу, где должна была произойти казнь. И, несмотря на всю очевидность, на всю безнадежность положения — общественное мнение ни на секунду не колебалось.

Место для казни было выбрано поистине удачно. Чувствовалась немецкая предусмотрительность и приспособляемость. Кладбище с двух сторон отделялось от прочего мира рвом в полторы сажени глубиной. Не нужно было рыть специально для данного случая могилы.

Конные оцепили место казни, потеснив немного публику. Молодого человека подвели к краю рва. Взвод солдат был выстроен шагах в двадцати от осужденного. Остальные были отведены в сторону. Выступил офицер. В руках у него был приговор. Вдруг молодой человек замахал рукой и крикнул:

— „Разрешите передать матери пиджак".

В публике заволновались. Офицер недоуменно повел плечами—но разрешил. Пиджак был снят и передан солдатом в публику, где его взяла пожилая женщина. Затем офицер предложил осужденному выслушать приговор. Началось чтение. Нелепо составленный, как и все приговоры, растянутый на три страницы, он занял чтением минут двадцать. Осужденный с закрытыми глазами и папиросой во рту, которую он попросил у офицера, спокойно выслушал его. Затем раздалась предварительная команда — щелкнули предохранители, затрещали затворы... В этот самый момент молодой человек снова замахал рукой. Офицер с досадой подошел к нему. На ломанном немецком языке осужденный заявил.

— Я ничего не понял из того, что вы мне читали. Я требую перевода приговора.

Офицер выругался. В публике раздались нервные возгласы.

— Хорошо, мы вам переведем. Вы вправе этого требовать.

Но переводчика не оказалось под рукою. Стали искать среди публики лиц, владеющих немецким языком. Но кому из граждан пришла бы мысль оказать услугу немецкому офицеру и укоротить, хотя бы на минуту, жизнь осужденного. Пришлось посылать в штаб вестового за переводчиком. До города было 5 верст.

Елена Казимировна Стрельбицкая, получив пиджак от сына, поспешила скрыться в толпе. С трудом пробираясь, она вышла, наконец, в открытое место. Оглянулась, но никто на нее не обратил внимания—все были поглощены происходящим на кладбище. Быстро стала рыться в карманах. В боковом нашла конверт, адресованный на ее имя. Прочла, улыбнулась и шепнула:

— Хорошо, мой мальчик.

Вереница извозчиков далеко тянулась ожидая конца казни и прилива пассажиров. Выбрала лучшую лошадь и заказала—в город..

Солнце работало во-всю. Капли пота стекали из-под шлемов и текли по лицам, раздражая и ослабляя. Ружья невольно опустились, хотя офицер и забыл подать команду. Брюки прилипли к ляжкам, пиджаки к лопаткам, ноги к подошвам, мозги к черепным коробкам. Офицер в душе ругался на трех языках. Больше всех злился доктор. Его обязанность — прощупывать пульс покойника, была грубо нарушена. Прошел час, полтора, а никого из города не было. Стрельбицкий рассматривал свои ногти, ничем не интересуясь и скучая. Наконец, вдали показалось облачко пыли. Все устремились взорами. Офицер подал знак следить за Стрельбицким. Вестовой на коне, а на извозчике переводчик. Офицер оживился. Доктор широко вздохнул Наэлектризованная публика выплеснула последнюю волну шума и смолкла.

Снова началось чтение. Переводчик слабо владел русским языком и еще слабее немецким. И на этот раз чтение приговора затянулось на добрых полчаса. Солдаты стоя засыпали. Но вот произнесена последняя фраза приговора. Офицер принял воинственную позу и громко отдал предварительную команду.

Но что это. Снова машет рукой осужденный, снова чего-то требует. Офицер опешил. Досадливо отмахнулся и опять подал предварительную команду. Но тут под'езжает вестовой и доносит:

— Капитан фон-Вассерблюм требует, чтобы вы поступили по закону и после прочтения приговора опросили осужденного.

— Разве капитан приехал?

— Только-что, господин поручик.

Медленно направляется поручик к Стрельбицкому. Тот вежливо заявляет.

— Я поляк и не понимаю, почему мне читают приговор сперва на немецком, потом на русском языке. Я попросил бы вас г-н офицер перевести мне приговор на мой родной язык и тогда я со спокойной совестью умру. Это мое право и я настаиваю.

— Почему же вы раньше не сказали, что вы поляк. Терять из-за вас чорт знает сколько времени.

— Для того, чтобы выиграть столько времени, сколько вы потеряете.

Пришлось снова посылать вестового в город.

— Он еще что-нибудь придумает и его в самом деле не расстреляют,—радовались в публике.

Солдаты совсем поникли. Расстреливать человека столько времени, да еще в такую жару, смутило бы любого палача.

Отыскивать польского переводчика было труднее, чем русского, ибо первого при комендатуре не оказалось. Но чего не сделает военная распорядительность. И часа через полтора переводчик был найден.

Воинственность офицера поблекла. Голова опустилась. Он уже не следил за осужденным. Солдаты стали похожими на оловянных солдатиков, над которыми весело потрудились шалуны.

Вдруг кто-то из публики ослабевшим голосом крикнул:

— Едут.

Все обернулись и тупо уставились вдаль. Этим моментом воспользовался Стрельбицкий. Он спокойно спрыгнул и пустился бежать. Пока бегство было обнаружено прошло не менее 20-ти секунд. Все остолбенели, солдаты, офицер, публика... Затем, все заметались. Верховые оцепили то место, где стоял Стрельбицкий, но прыгать в ров не решались.

Офицер, вместо того, чтобы подвести пеших к краю рва, приказал стрелять, хотя цели и направления не было. Наконец он сообразил, и по его команде верховые стали огибать ров, но поздно Три велосипедиста, весело поблескивая своими машинами, давно улепетывали. Так их и видели.

Публика была в восторге Фон-Вассерблюм посредством усов дирижировал злобой. Офицер побледнел, все еще отдавая какие-то приказания его карьера сбежала вместе с осужденным. Солдаты были довольны, что не пришлось быть палачами.

Безразлично к этому отнесся только доктор, так как он давно уже спал.

АКУЛА ДОДСОН.

О. Генри.

Иллюстрации М. Претер.

В ДВАДЦАТИ милях к западу от Тексона „Закатный экспресс“ остановился у водокачки, чтобы набрать воды. Кроме воды паровоз этого знаменитого поезда-молнии приобрел и еще кое-что, не совсем для него полезное.

В то время как кочегар спускал рукав для накачивания воды, Боб Тидболл, „Акула“ Додсон и индеец-полукровка по прозвищу Джон Большая Собака взобрались на паровоз и пред'явили машинисту три круглых отверстия в имевшихся при них казенного образца ружьях. Эти отверстия произвели на машиниста такое впечатление заключающимися в них возможностями, что он немедленно воздел в молитвенном жесте обе руки горе.

По энергичной команде Акулы Додсона, предводителя нападающих сил, машинист соскочил и отцепил машину и тендер. Тогда Джон Большая Собака, взобравшись на кучу угля, искустно направил два револьвера на машиниста и на кочегара и приказал им отвести машину на пятьдесят ярдов дальше и ждать там приказаний.

Акула Додсон и Боб Тидболл, пренебрегая промывкой такой низкосортной руды, как пассажиры, устремились к мощной жиле служебного вагона. Они нашли начальника поезда в состоянии безмятежной веренности, что „Закатный экспресс“ не набирает ничего более опасного и возбуждающего, чем **arua pura**. Пока Боб выколачивал это представление из его головы при помощи приклада своего револьвера, Акула Додсон уже успел начинить кассовый сейф динамитом.

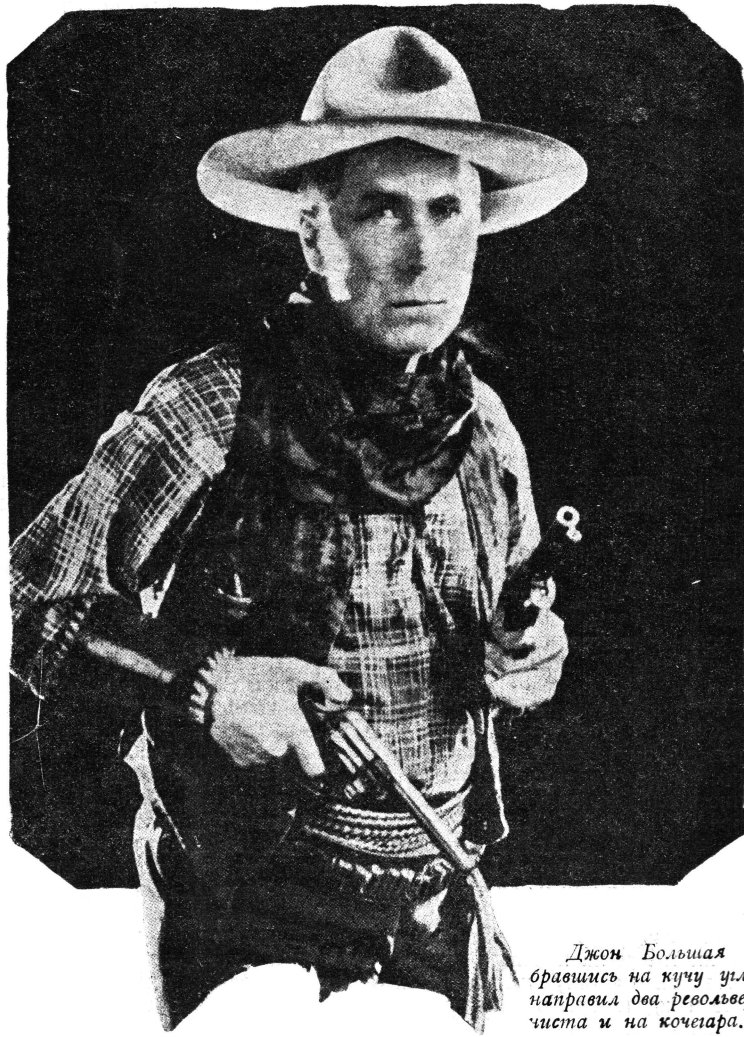
Сейф издал высокую ноту: тысяч на 30 долларов золотом и кредитами. Пассажиры высунулись из окон, чтобы посмотреть, откуда это гром. Проводник дернул сигнальный шнур; он свободно опустился и провис, не ответив на его усилие. Акула Додсон и Боб Тидболл, с добычей в толстом парусиновом мешке, выскочили из служебного вагона и неуклюже побежали на своих высоких каблуках к паровозу.

Машинист, угрюмый и раздраженный, но благоразумный, — согласно приказаниям, быстро отвел машину от неподвижного поезда. Но прежде, чем он остановился, начальник поезда, оправившись от доводов Боба Тидболла в пользу нейтралитета, выскочил из своего вагона с винчестером и вмешался в игру. Мистер Джон Большая Собака, усевшись на угольном тендере, сделал промах; он превратился в мишень, и начальник поезда не промазал. С пулей точнехонько между лопатками, полукровный рыцарь легкой наживы скатился на землю, увеличив, таким образом, долю каждого из своих товарищей в добыче на одну шестую.

В двух милях от водокачки машинисту было приказано остановиться.

Воры послали ему вызывающий прощальный привет и нырнули вниз по крутому

откосу в густые заросли, окаймлявшие полотно. Пять минут треска сквозь гущу привели их в открытый лес, где к низким ветвям деревьев были привязаны три лошади. Одна из них ожидала Джона Большую Собаку, которому никогда больше не суждено было ездить верхом ни днем, ни ночью. Воры сняли седло и узду с этого животного и пустили его. Они вскочили на своих коней, перебросив мешок через луку седла, и направились быстро и осторожно через лес вверх, к девственному, пустынному ущелью. Тут гнедая лошадь, на которой ехал Боб Тидболл, поскользнулась о мшистый камень и сломала себе переднюю ногу. Они тотчас же пристрелили ее и присели, чтобы посоветоваться относительно дальнейшего бегства. Извилистый путь, оставшийся за ними, обеспечивал им некоторую безопасность, и вопрос времени утратил отчасти свою остроту. Много миль и часов легли между ними и самым проворным шерифом, который мог бы взяться преследовать их. Запыхавшаяся лошадь



Джон Большая Собака, взобравшись на кучу угля, искусно направил два револьвера на машиниста и на кочегара.

Акулы Додсона, с волочащимся лассо и распущенной уздой, вздохнула и с благодарностью принялась щипать траву вдоль ручья в ущельи. Боб Тидболл открыл мешок и, вытащил две пригоршни аккуратно сложенных пачками кредиток и мешочек с золотом, захохотал с ребяческой радостью.

— Слушай, ты, старый пират —весело обратился он к Додсону.—Ведь, это твоя идея! У тебя, брат, голова прямо министра финансов. По финансовой части ты хоть кому утрешь нос во всей Аризоне.

— Как нам быть с лошадью для тебя, Боб? Нам здесь нельзя оставаться. Они пустятся по нашим следам еще до рассвета.

— Ну, я думаю, твой этот одер свезет нас двоих покамест,—ответил сангвиник Боб.—Мы заберем первую же лошадь, которая нам попадется на дороге навстречу. Чорт побери, нехудо мы с тобой наловили рыбки, правда? Судя по надписям на этих пачках, здесь 30.000 долларов; по 15.000 на брата.

— Это меньше, чем я ожидал,—сказал Акула Додсон, и ткнул пачки носком сапога Затем он задумчиво посмотрел на потные бока своей уставшей лошади.

— Старик Боливар еле дышет,—сказал он медленно.—Жалко мне твоего гнедого.

— И мне,—с чувством сказал Боб.—Но делать нечего. У Боливара круп выдержит. Уж как-нибудь он дотащит нас до подставы.

—Слушай, я все вот думаю, как это странно! Каким образом ты, человек с Востока, свалился вдруг сюда и с'онику даешь нам, западным молодцам. сто очков вперед в отчаянных делах? Откуда ты там, собственно, с Востока?

— Из штата Нью-Иорк,—ответил Акула Додсон, усевшись на валуне и пожевывая ветку.—Я родился на ферме в Альстерском графстве и убежал из дому, когда мне было семнадцать лет. На Запад я попал случайно. Я шел по дороге с моим узелком, направляясь в Нью-Иорк. У меня была идея добраться до Нью-Иорка и нажить там кучу денег. Мне всегда казалось, что я смогу сделать это. Однажды вечером я пришел к месту, где дорога разветвлялась, и я не знал, куда мне взять. Я подумал этак с полчаса и затем пошел налево. В эту же ночь я наткнулся на лагерь странствующего паноптикума „Дикий Запад“, который раз'езжал по маленьким городам, и, прицепившись к нему, вместе с ним явился на Запад. Я часто задавал себе вопрос, не вышло ли бы из меня чего-либо иного, если бы я выбрал тогда другую дорогу—направо?

— Ну, я думаю, ты кончил бы в том же духе,—сказал с философской жизнерадостностью Боб Тидболл.—Дело не в выборе нами дороги. Дело в том, что сидит там внутри у нас и заставляет нас свертывать с пути.

Акула Додсон встал и прислонился к дереву.

— Я много дал бы, чтобы твой гнедой был жив, Боб,—сказал он снова, почти патетически.

— Да и я также,—согласился Боб.—Коняга он был на совесть, первоклассный. Ну, да Боливар прекрасно довезет нас. Не пора ли, кстати, нам тронуться? А, Акула? Я опять завяжу этот тюк, и мы дернем поверху, где лес погуще.

Боб Тидболл вложил добычу обратно в мешок и крепко завязал его веревкой. Когда он поднял голову, первое, что бросилось ему в глаза, было дуло револьвера, направленное на него Акулой Додсоном. Рука Акулы не дрожала.

— Брось эти шутки,—сказал Боб, усмехаясь.—Нам надо догонять ветер.

— Успокойся,—сказал Акула—тебе никогда больше не придется догонять ветер, Боб. Мне очень грустно сказать это тебе, но только одному из нас представляется возможность спастись. Боливар совсем устал и не может вывезти двоих.

— Мы три года были товарищами—ты и я, Акула Додсон.—спокойно сказал Боб,—и не один раз вместе рисковали жизнью. Я всегда с тобой поступал честно и считал тебя мужчиной. До меня доходили кривые толки насчет того, что ты странным образом застрелил одного или двух человек, но я никогда не придавал им значения. Теперь, если ты просто хочешь подурачиться немножко, Акула, так убери свой револьвер, сядем на Боливара и испаримся. А если ты хочешь стрелять, так стреляй, черная твоя душонка, сын тарантула!...

Лицо Акулы Додсона выражало глубокую грусть.

— Ты не представляешь себе, как я огорчен,—вздохнул он,—тем, что твой гнедой сломал себе ногу, Боб.

Лицо Додсона в одно мгновение приняло выражение холодной жестокости, смешанной с неумолимой алчностью. Душа человека выглянула на минуту, как лицо злодея в окне почтенного дома.

Воистину Бобу Тидболл не суждено было никогда больше догонять ветер. Смертоносный револьвер вероломного друга щелкнул и наполнил ущелье гулом, который каменные стены его отбросили назад с негодующим эхо. И Боливар, бессознательный соучастник, избавленный от неприятности

— Я думаю Вы

НЕМЕДЛЕННО

подпишитесь

на двухнедельный журнал приключений

БОРЬБА
ЖУРНАЛ ★ ПРИКЛЮЧЕНИЙ
МИРОВ

24 номера в год 12 руб.

„вывозит двоих", быстро унес последнего из победителей „Закатного экспресса".

Но в то время, как Акула Додсон мчался дальше, лес, казалось, начал таять на его глазах; револьвер в его правой руке обратился в изогнутую ручку кресла красного дерева, седло оказалось странно обытым, и он, открыв глаза, увидел свои ноги не в стременах, а спокойно отдыхающими на дубовом столе.

...Итак Додсон, из фирмы „Додсон и и Деккер — биржевые маклера",—открыл глаза. Пибоди, его доверенный клерк, стоял у его стула, не решаясь заговорить. С улицы доносился неясный шум колес; в комнате успокоительно жужал электрический вентилятор.

— Э-гм! Пибоди,—сказал Додсон, мигая,—я должно быть заснул. Мне приснился замечательный сон. В чем дело, Пибоди?

— Мистер Вильямс, сэр, от Треси и Вильямс, приехал. Он пришел, чтобы урегулировать с вами сделку на икс-игрек-зетовские.. Он страшно влип, сэр, если вы помните.

— Да, я помню. Как стоят икс-игрек-зетовские сегодня, Пибоди?

— Один восемьдесят пят, сэр.

— Вот значит по одному восемьдесят пять и рассчитайте его.

— Простите,—сказал Пибоди несколько нервно—что я вмешиваюсь, но я говорил с Вильямсом. Он ваш старый друг, мистер Додсон, и вы в сущности сами взвинтили икс-игрек-зетовские до этой цены. Вы имеете контрольный пакет на них. Я думаю, может быть, вы помните... т.-е. может быть запамятовали, что вы с ним сделали по девяносто восемь. Если ему придется расчитываться теперь по курсу дня, он должен будет выложить все до последнего цента и даже продать свою обстановку и очутиться на улице.

Лицо Додсона в одно мгновение приняло выражение холодной жестокости, смешанной с неумолимой алчностью. Душа человека выглянула на мгновение, как лицо злодея в окне почтенного дома.

— Рассчитайте его по одному восемьдесят пять,—сказал Додсон.—Боливар не может вывезти двоих.

ЭКРАН СМЕХА

БОРЬБА МИРОВ и САМОЛЕТ ДЛЯ ВСЕХ *).

т. Розенольц — *главнач Воздухофлота СССР:*

Необходимо сейчас же приступить к практическому осуществлению самолетов для всех и ко всестороннему изучению их летных свойств...

т. Баранов — *зампред совета по гражданской авиации:*

... развитием авиации на местах мы вливаем ее в повседневную жизнь...

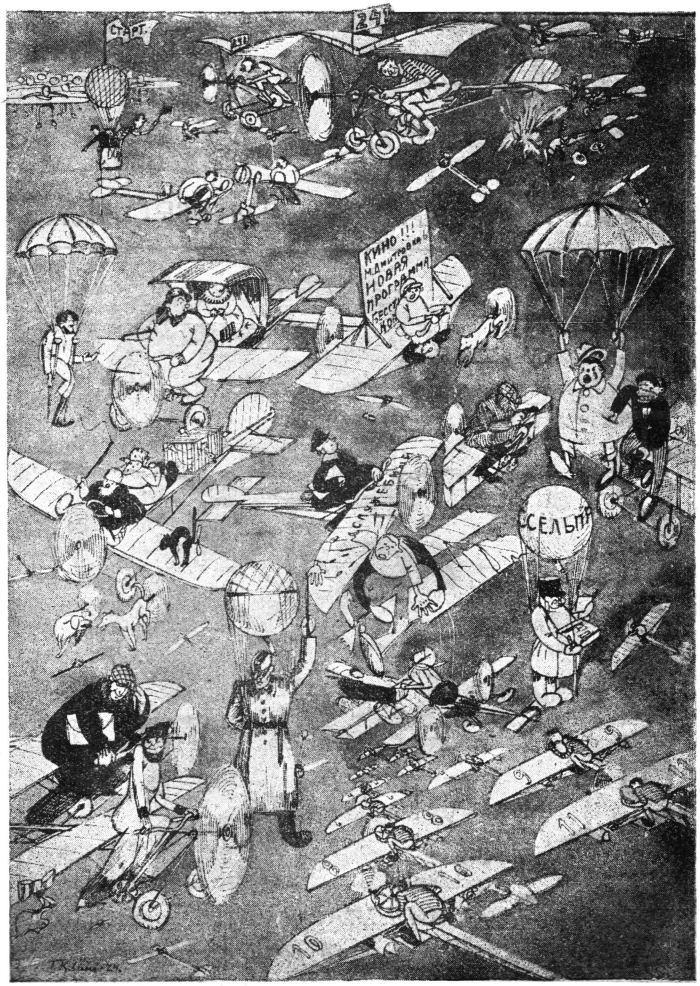
т. Механошин — *пред. спортсекции ОДВФ СССР:*

... при каждом новом завоевании в области воздушного флота спортивный элемент безусловно необходим...

... здесь соревнование проведения в известных строгих рамках спортивной дисциплины необходимо.

Борьба Миров:

— Вот каким должно быть небо СССР летом 1924 года:



*) *Анкета Извест. ЦИК СССР и ВЦИК.*

Лучшие приключенческие боевики сезона, вы увидите только в КИНО Малая Дмитровка.

КИНО МАЛАЯ ДМИТРОВКА.

„КИНО МОСКВА“

„ЖЕНЩИНА С МИЛЛИАРДАМИ“, постановка ДЖОЕ МАЙ, в главной роли МИА МАЙ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

Книжный Склад Литиздата Центр. Комит. Союзов жел.-дорожник. и водников:

снабжает все транспортные, культ., просветит., проф., парт. комсомольские организ. книгами по всем отраслям знания.

Учебники для школ I и II ступени и профтехнических и для самообразования.

Книги для пополнения библиотек.

Комсомольская литература.

Склад выпускает бюллетени-каталоги и высылает по требованию. (Вышли №№ 5 и 6).

Книги высылаются наложным платежем по получении задатка в размере 1/2 суммы (можно почтовыми марками).

Переписку и заказы направлять: Москва, Ильинка, Козьмодемьян. пер., д. 5, Книжный склад ЦЕКТРАНА.

Деньги: на тек. сч. № 91 (в червонцах) и № 23 (в червонном исчислении) в Московской Конторе Госбанка.

Главлит № 18732. Москва. Тираж 20.500 экз.

Типография „9-е Января“, Яузский мост, Серебряническая набережная, д. 23а.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

ГОД ИЗДАНИЯ 7-й.

Двухнедельный руководящий орган ЦК РКСМ.

СМЕНА

Двухнедельный литературно-художественный и научно-популярный журнал рабочей молодежи.

ЮНГВАЛД

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й.

Ежемесячный литературно-художественный и научно-популярный журнал еврейской рабочей молодежи.

ТОВАРИЩЕСТВО

„МОСГРАФИКА"

ГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

МОСКВА, ул. Огарева, д. 9.

ТЕЛЕФОН 1-53-91

ИЗГОТОВЛЯЕТ

КЛИШЕ

ДЛЯ ТОНОВОЙ И ТРЕХЦВЕТНОЙ ПЕЧАТИ, ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ, РИСУНКИ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ЖУРНАЛОВ, ГАЗЕТ И РЕКЛАМ.

СТЕРЕОТИПЫ

И

ПРОИЗВОДИТ

ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ТИПО-ЛИТОГРАФСКИЕ РАБОТЫ

Издательство Ц. К. Р. К. С. М.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Москва, Старая площадь, 10/4. Телеф. 1-81-01.

Принимает подписку на следующие периодические издания:

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й.

Ежемесячный литературно-художественный и научно-популярный журнак ЦК РКП и ЦК РКСМ.

Под редакцией: **Л. Авербаха, И. Вардина, П. Лепешинского, К. Радека, О. Тарханова, Ем. Ярославского.**

ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й.

Органи Исполкома **Коминтерна Молодежи.**

ЛУЧШЕЕ ЧТЕНИЕ

БОРЬБА МИРОВ

ЖУРНАЛ ★ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Цена понижена
на 20%
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕКОМДЕТ

ЦЕНА НОМЕРА 50 КОПЕЕК ЗОЛ.

ЛУЧШЕЕ ЧТЕНИЕ

БОРЬБА МИРОВ

ЖУРНАЛ ★ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Цена повышена
на 20%
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕКОМДЕТ

ЦЕНА НОМЕРА 50 КОПЕЕК ЗОЛ.